

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

А.В. НАГОРНАЯ

**ЛИНГВОСЕНСОРИКА
КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**МОСКВА
2017**

Серия
«Теория и история языкознания»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии:

Яковлева Э.Б. – д-р филол. наук (гл. ред. серии),
Кузнецов А.М. – д-р филол. наук, *Нагорная А.В.* –
д-р филол. наук, *Татаринов В.А.* – д-р филол. наук,
Комалова Л.Р. – канд. филол. наук (отв. секр. серии),
Опарина Е.О. – канд. филол. наук, *Раренко М.Б.* – канд.
филол. наук, *Трошина Н.Н.* – канд. филол. наук

Нагорная А.В.

Н 16 **Лингвосенсорика как перспективное направление
современных лингвистических исследований:** Аналит.
обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ.
исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Яковлева Э.Б. – М.,
2017. – 86 с. – (Сер.: Теория и история языкознания).

ISBN 978-5-248-00844-5

В обзоре рассматривается проблема лингвистического анализа сенсорной лексики в контексте современных гуманитарных исследований сферы человеческих ощущений. Анализируются существующие подходы к исследованию сенсорных процессов, рассматривается возможность их применения в лингвистике, описываются современные направления в исследовании сенсорной лексики и определяются дальнейшие перспективы их развития.

Для специалистов в области общего языкознания, психолингвистики, лингвистической семантики и когнитивной лингвистики.

The review focuses on linguistic research into sensory vocabulary within the framework of contemporary Sensory Studies. The author analyses the extant approaches to sensory processes, considers their potential for Linguistics, describes contemporary trends in the study of sensory vocabulary and outlines the prospects of the emerging discipline.

The review is aimed at specialists in General Linguistics, Psycholinguistics, Linguistic Semantics and Cognitive Linguistics.

ББК 81

ISBN 978-5-248-00844-5

© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Методологические основы лингвосенсорики.....	7
1. Общие методологические принципы лингвосенсорики.....	7
1.1. Междисциплинарный характер исследования	7
1.2. Феноменологический подход к анализу сенсорных процессов	9
1.3. Принцип социокультурной детерминированности сенсорных процессов	12
2. Терминологический аппарат лингвосенсорики.....	18
Глава II. Лингвистические исследования человеческой сенсорики	20
1. Проблема классификации ощущений в современных гуманитарных науках	20
2. Лингвистика экстероцептивных ощущений	25
2.1. Зрение.....	25
2.2. Слух	33
2.3. Осязание.....	41
2.4. Обоняние.....	47
2.5. Вкус	50
3. Лингвистика инteroцептивных ощущений	55
4. Проприоцептивные ощущения как лингвистическая проблема	61
5. Язык болевых ощущений	64
Заключение	77
Список литературы	79

ВВЕДЕНИЕ

Термин «лингвосенсорика» был предложен российским языковедом В.К. Харченко в 2012 г. для обозначения области «лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной презентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [Харченко, 2012, с. 6].

Данный термин следует признать весьма удачным. Во-первых, он семантически прозрачен и точно отражает суть научного направления. Во-вторых, он обладает необходимой емкостью и охватывает многочисленные, но разрозненные исследования языка человеческих ощущений, проводимые лингвистами на протяжении последних 30 лет. Тем самым, своим появлением в научном дискурсе он способствует легитимизации уже существующей научной области, формированию отдельной, самостоятельной научной парадигмы в рамках современной лингвистики. И в-третьих, термин позволяет гармонично вписать эту формирующуюся парадигму в общенациональный контекст, обозначив ее место в структуре современного гуманитарного знания и отнеся ее к области сенсорных исследований (Sensory Studies).

Формирование лингвосенсорики как научного направления обусловлено современными тенденциями в развитии гуманитарного знания в целом и лингвистики, в частности.

Одной из ведущих тенденций является общий антропоцентрический сдвиг, который, в том числе, способствовал росту научного интереса к различным аспектам человеческого телесного бытия.

Этот сдвиг во многом явился ответом на сформировавшийся социальный заказ. Существенно изменился образ жизни современного западного человека и та среда, физическая и культурная, которая его окружает. Как справедливо отмечал французский живописец и скульптор Ф. Леже еще в середине XX в., «в наше время простой человек получает в сотни раз больше сенсорных впечатлений, чем художник, живший в XVIII веке». С тех пор как было

сделано это наблюдение, количество сенсорных впечатлений увеличилось многократно, что связано в первую очередь с развитием цифровой среды и других современных технологий (3 D, touch-screen и т.п.), меняющих архитектонику человеческой чувственности. Произошедшие изменения требуют серьезной научной рефлексии в формате широкого междисциплинарного диалога.

Потребность в научном исследовании перцептивных процессов связана и с реабилитацией чувственных удовольствий в современной западной культуре, ее общим гедонистическим поворотом и наметившейся тенденции к коммерциализации сферы чувственного. Если еще два десятилетия назад социальные критики сокрушались об «исчезновении чувств» (Д. Кампер) и «десенсуализации мира» (Г. Кюкельхаус, Р. цур Липпе), современная массовая культура построена на принципе максимального чувственного впечатления. Этот принцип затрагивает и современную науку, в которой все большую популярность приобретает идея «чувственного пробуждения», сформулированная этнографом П. Столлером. По его мнению, ученые должны не только приступить к изучению ощущений, но и пробудить свой собственный сенсориум; научиться не только ощущать, но и излагать свои мысли так, чтобы они пробуждали перцептивный отклик. По словам Столлера, «застывшее от долгого сна где-то на заднем плане научной жизни, тело ученого жаждет потренировать свои мышцы. Сонное от долгого бездействия, оно стремится восстановить свою чувствительность. Бездельно плывя в море полужизни, оно хочет вдохнуть терпкий аромат бытия, провести ладонью по рваной поверхности реальности, услышать чудесные симfonии социального опыта, увидеть исполненные чувственности формы и цвета, которые заполняют окна сознания. Оно хочет пробудить воображение и вернуть ученый мир к самим вещам» [Stoller, 1997, p. xii]¹.

«Возврат к самим вещам» стал возможен, в том числе, благодаря возрожденному интересу к феноменологической философии, в частности к трудам М. Мерло-Понти, потенциал которых долгое время оставался недооцененным в гуманитарных науках. Большую роль сыграло появление нового методологического инструментария, который позволил подойти к анализу перцептивных процессов на качественно новом уровне: теория аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы, теория воплощенного мышления и созданная на ее основе теория воплощенного значения (А. Кларк, Л.А. Шапиро, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.), формирование когни-

¹ Здесь и далее перевод наш. – *Прим. авт.*

тивной парадигмы в психологии (В.Н. Дружинин), культурологии (Е.Я. Режабек, А.А. Филатова) и лингвистике (У. Крофт, Д.А. Круз, Р.У. Гиббс, Б. Берген и др.). Валидность и верифицируемость нового научного знания обеспечивается возможностью проведения разнообразных эмпирических исследований с использованием новейших технологий (МРТ, например). Заметим, что с появлением этих технологий стало возможным изучение сферы чувственного у животных, что способствует не только накоплению эмпирических данных, но и более полному и комплексному изучению чувствительности как свойства всего живого (см., например: [Macpherson, 2011, р. 3].

Учитывая методологические достижения современной науки и технологические инновации, находящиеся в ее распоряжении, трудно не согласиться с Ф. Макферсон, которая считает, что наступило «волнительное время для интереса к ощущениям» [Macpherson, 2011, р. 3]. Интерес к данной сфере уже проявили представители многих гуманитарных наук. В 1988 г. на базе университета Конкордия в Канаде был запущен большой исследовательский проект под руководством Д. Хауза – одного из признанных основоположников современных сенсорных исследований¹. Чуть позже на его основе был создан Центр по изучению ощущений (Centre for Sensory Studies²), объединяющий антропологов, археологов, социологов, психологов, культурологов, религиоведов, педагогов, маркетологов и представителей других дисциплин. С 2006 г. в Великобритании регулярно издается специализированный междисциплинарный журнал «Ощущения и общество» («The Senses and Society»).

Важную роль в разработке сенсорной проблематики призвана сыграть лингвистика. Эта роль определяется способностью языка служить «окном в мир ощущений» [Majid and Levinson, 2011, р. 7]. Словесные репрезентации ощущений предоставляют нам доступ к тем структурам массового сознания, в которых фиксируются результаты чувственного опыта и позволяют нам сравнивать сенсориумы разных культур в разные исторические периоды. Язык дает нам ключ к пониманию перцептивных процессов, которое стихийно складывается в той или иной культуре, к исконному, «народному» пониманию сенсориума, анализ которого позволит пересмотреть и дополнить существующие научные концепции ощущений.

¹ Исследовательский проект Университета Конкордия. Mode of access: <http://www.david-howes.com/senses/> (Дата обращения: 25.02.2017.)

² Центр сенсорных исследований. Mode of access: <http://www.centreforsensorystudies.org> (Дата обращения: 25.02.2017.)

Глава I.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОСЕНСОРИКИ

1. Общие методологические принципы лингвосенсорики

Успех нового научного направления во многом зависит от четкости и ясности его изначальных методологических установок. Эти установки определяют общенациональный контекст формирующейся парадигмы, очерчивают ее границы, определяют базовые принципы исследований и задают их основные направления, тем самым выполняя регулятивную функцию и обеспечивая поступательность и преемственность в развитии нового знания.

1.1. Междисциплинарный характер исследования

Наиболее базовым, фундаментальным принципом лингвосенсорики является междисциплинарность. Необходимость междисциплинарного подхода диктуется, в первую очередь, «нередуцируемой многомерностью» [Киященко, 2009, с. 11] изучаемого феномена. К его «измерениям» относятся анатомо-физиологические характеристики воспринимающего мир человека; особенности природной и социокультурной среды, в которой протекают сенсорные процессы; психологические свойства личности, выступающей в роли перцептора; наличие в языке готовых средств фиксации сенсорного опыта и многое другое. Таким образом, сенсорика как научная область находится «на пересечении широкого спектра дискурсов гуманитарных, социальных и естественных наук» [The body as interface., 2007, р. 11], и изучение лишь одного измерения без учета других не только обедняет, но и существенно искажает общую картину.

Как известно, междисциплинарность является одним из способов многоаспектного исследования феномена, предполагающим выход за границы одной науки и использование знаний, подходов и методов, существующих в других предметных областях. У. Ньюэлл выделяет «узкую» («narrow») и «широкую» («broad» или «wide») междисциплинарность. Первая разновидность подразумевает сотрудничество между дисциплинами, обладающими «совместимыми методами, парадигмами и эпистемологиями» (на-

пример, история и литература). Во втором случае взаимодействуют малосовместимые или вовсе не совместимые дисциплины, такие как точные и гуманитарные науки [Newell, 1998, p. 533]. Лингвосенсорика тяготеет к широко междисциплинарным направлениям, оперируя данными как гуманитарных, так и естественных наук. Диалог с гуманитарными науками необходим для определения социокультурных детерминант сенсорики и выявления факторов, способствующих формированию специфического сенсорного словаря в каждом отдельном языке. Данные естественных наук, в первую очередь физиологии и психологии, привлекаются для выработки принципов классификации сенсорной лексики, объяснения индивидуальной вариативности в объеме сенсорного словаря и интерпретации парадоксальных словосочетаний типа «белый шум» и «кричащий вкус», совмещающих лексические единицы из разных сенсорно-семантических групп и отражающих особенности кросс-модального, или синестетического, восприятия.

В современной науке в рамках междисциплинарного подхода выделяются две основные линии: концептуальная (или синтетическая) и инструментальная [Salter, Hearn, 1996]. При концептуальном подходе предпринимается попытка создания относительно самостоятельной области знания, располагающейся между разными дисциплинами; при этом развиваются новые понятийные категории и производится методологическая унификация. При инструментальном подходе наблюдается заимствование идей из разных дисциплин, а также применение их понятийного аппарата и методик, при этом существующие границы между дисциплинами остаются неизменными. Инструментальный подход применяется в тех случаях, когда изучаемая проблема явно «просачивается» сквозь дисциплинарные границы, однако не требует для своего решения существенной ревизии методологических установок дисциплины. Он позволяет сохранить четкие, определенные рамки исследования (в нашем случае лингвистического) и при этом более основательно фундировать его, максимально логично и непротиворечиво вписав его в общий научный контекст.

Лингвосенсорика в теперешнем ее состоянии является парадигмой, построенной на принципах инструментальной междисциплинарности. Оставаясь глубоко языковедческим направлением, она активно привлекает данные других дисциплин, что позволяет ей: 1) скординировать лингвистическое исследование с теми традициями изучения сенсорных феноменов, которые уже сложились в гуманитарных и естественных науках, 2) учесть современные тен-

денции в разработке и интерпретации сенсорных феноменов, 3) обеспечить планомерность и поступательность в разработке сенсорной проблематики, способствовать качественному приращению знания, избегая повторной проблематизации того, что уже изучено и описано в гуманитарных и естественнонаучных исследованиях [Нагорная, 2014, с. 19–20].

1.2. Феноменологический подход к анализу сенсорных процессов

Философским базисом большинства исследований сенсорики в рамках современных гуманитарных наук является феноменология. Отчасти это объясняется тем, что сенсорные штудии плотно сопрягаются с исследованием проблем телесности, где феноменология, выдержав конкуренцию с постмодернизмом (Ж. Делёз, Ж. Деррида, Р. Барт, Р. Лейнг), критическим реализмом (Д. Дрейк, Дж. Сантаяна, Р.В. Селлерс, Ч. С特朗г), социальным детерминизмом (Л.В. Жаров, Б.Г. Акчурин) и другими философскими течениями прочно утвердились в качестве методологической базы исследований [Нагорная, 2011].

Эвристическая ценность феноменологии при исследовании телесных феноменов заключается прежде всего в том, что центральное место в системе человеческого опыта она отводит *живому* телу [Мерло-Понти, 1999, с. 87]. Живое тело, в противоположность «мыслимому бытию» [Мерло-Понти, 1999, с. 87], не постигается посредством рефлексии; оно не *познается*, а *переживается* [Сартр, 2011, с. 344]. При таком подходе не ставится задача поиска универсального стандарта, неизбежно ведущего к обезличиванию, «объективации» опыта. Напротив, становится возможным изучение телесных динамик в той форме, в которой они воспринимаются и переживаются каждым отдельным человеком, и вопрос об истинности приобретаемого опыта становится принципиально нерелевантным¹. Данное обстоятельство обладает чрезвычайной важностью в лингвокогнитивной перспективе, поскольку феноменологический подход позволяет объяснить и легитимиро-

¹ Ср. известные рассуждения Л. Витгенштейна об истинности болевого ощущения: «о других людях имеет смысл говорить, что они сомневаются, ощущаю ли я боль, говорить же это о себе бессмысленно» [Витгенштейн, 2003, с. 348].

вать индивидуальные различия в осмыслении и вербализации сенсорного опыта.

Еще одним важнейшим принципом феноменологического подхода является опора на здравый смысл и то, что в лингвистике принято называть наивной картиной мира. Как пишет М. Мерло-Понти, «так называемая очевидность чувствования основана не на свидетельстве сознания, но на наивной вере в мир» [Мерло-Понти, 1999, с. 27].

Феноменология позволяет реабилитировать мифологический тип сознания, признать правомерность представлений, которые считаются культурноrudиментарными и противоречат тому знанию, за которым закреплен статус «объективного». Такой подход коррелируется принципами современной лингвокультурологии, признающей принципиальную множественность возможных трактовок одного и того же явления и способов его вербализации в разных культурах.

Феноменология стремится «пробудить к жизни погребенный под его результатами перцептивный опыт» [Мерло-Понти, 1999, с. 98] и подчеркивает важность последнего для формирования систем значений и смыслов. М. Мерло-Понти определяет тело как «совокупность проживаемых значений, которая ищет равновесия» [там же, с. 205]. Весь окружающий человека мир становится значимым только при физическом взаимодействии с ним, а чувствующее и ощущающее человеческое тело является главным способом созидания значения и понимания приобретаемого человеком опыта [Day, 2013, р. 5]. Познание окружающего мира происходит при участии всего тела и обеспечивается единством и согласованностью объективных телесных механизмов. К их числу относятся человеческие органы чувств, наличие которых позволяет нам «встраиваться» в окружающий нас мир, «в действоваться» [Князева, 2009, с. 49] в него. Это в действование, как многократно подчеркивает Мерло-Понти, есть сложный синергетический процесс [Мерло-Понти, 1999, с. 301], в котором сенсорному аппарату отводится роль не простого «передатчика» или «проводника» [там же, с. 32–33]. Организм «идет навстречу возбуждениям» [там же, с. 102], «отбирает те стимулы в физическом мире, к которым он будет чувствителен» [Merleau-Ponty, 1963, р. 13], «подгоняет перцептивные и практические интенции под объекты» [Мерло-Понти, 1999, с. 119], демонстрируя тем самым «свой собственный способ отношения к миру» [там же, с. 90].

Исповедуя холистический подход к человеку и отрицая картезианское противопоставление тела разуму, философ задается важным вопросом о возможности «чистого» перцептивного опыта и приходит к выводу о том, что «“чувственное” не может уже быть Определено Как Непосредственный Результат Воздействия Внешнего стимула» [Мерло-Понти, 1999, с. 31]. В действованный в среду организм есть сложная совокупность физических и психических процессов. Перцептивный стимул так или иначе обрабатывается на когнитивном уровне, и «всякое восприятие – это новое рождение сознания» [там же, с. 29]. Можно вспомнить в связи с этим работы американского философа и психолога У. Джеймса, в которых он вводит понятия «перцепт» и «концепт». В предложенной им модели данные чувственного порядка, представляющие собой изначальный «эмпирический материал», проходят процесс, который мы назвали бы сейчас когнитивной обработкой, и замещаются данными «интеллектуального порядка» [Джеймс, Рассел, 2000, с. 39]. Перцепт преобразуется в концепт, при этом данные сущности неотделимы друг от друга, «наполняют и оплодотворяют друг друга» [там же, с. 40]. Данная концепция представляется гораздо более линейной и схематичной, чем у Мерло-Понти, однако она имеет определенную ценность, перекликаясь с постулатами и коррелируя с терминологическими системами современной когнитивной лингвистики. Подчеркнем, что преобразование перцепта в концепт является необходимым шагом на пути к вербализации чувственного опыта, хотя сама вербализация не является неотъемлемой частью последнего, и значительная часть приобретаемых нами чувственных впечатлений существует во внеязыковых или доязыковых, неконцептуальных формах, формах неявного, смутного, интуитивного и т.д. знания (см., например: [Рябцева, 2005, с. 36]).

Связь перцептивного с когнитивным стала одним из основных положений психологического направления «Новый взгляд» («New Look»), возникшего в середине XX в. и возглавляемого Дж. Брунером. Перцепция признается неотделимой от когниции, включающей убеждения, желания и ценности. То, как мы воспринимаем мир посредством органов чувств, зависит от нашей «ментальной экипировки» («mental set»). Когниция не просто влияет на перцепцию, она проникает в нее [Perception and its modalities, 2015, р. 15].

Идея о невозможности «чистого» ощущения разделяется многими современными исследователями. Э. Кларк, например, предлагает модель «предсказательного кодирования» («predictive coding»), в рамках которой перцептивная система выстраивает прогноз отно-

сительно того, с чем она столкнется, и сравнивает этот прогноз с «входящей информацией», осуществляя необходимую подстройку при возникновении существенных расхождений [Clark, 2015].

В сходном ключе рассуждает М. Маттен, вводя понятие «активное восприятие» и понимая под ним «растянутый во времени процесс преднамеренного “прощупывания” (“probing”) среды с использованием телесного движения и взаимодействия с исследуемыми объектами» [Perception and its modalities, 2015, p. 3].

Это «прощупывание», однако, неизбежно медирируется не только природной, но и социокультурной средой, в которой находится воспринимающий человек. (Данный вопрос будет более детально рассмотрен в следующем разделе обзора.)

Феноменологический подход к лингвистическому анализу ощущений в большей степени, чем все другие, отвечает требованиям системности анализа, обнаруживает необходимую гибкость в плане практического применения, открыт для диалога с естественнонаучными и гуманитарными дисциплинами и обладает значительным интегративным потенциалом для объединения всех научных достижений в области изучения тела вообще и ощущений в частности в единое проблемное поле. Кроме того, феноменологический подход, как пишет И.М. Быховская, – это «гуманистически ориентированная методология» [Быховская, 2000, с. 36]. Он утверждает принцип самоценности тела как объекта исследования во всей совокупности его естественных проявлений и рассматривает тело как «эпицентр взаимодействия человека с миром» [там же, с. 36].

1.3. Принцип социокультурной детерминированности сенсорных процессов

Феноменологический подход предполагает учет социокультурного контекста телесного взаимодействия с материальным миром. Человек, как отмечает М. Мерло-Понти, обладает не только средой, но и миром [Мерло-Понти, 1999, с. 123]. Неотъемлемой частью этого мира являются культурные практики, в том числе нормы и правила восприятия и интерпретации приобретаемого человеком опыта.

Д. Хауз определяет культуру как «способ видения мира» [Howes, 2003, p. 29]. Это определение резонирует с традиционным взглядом на ощущение как на «способ мониторинга непосредственного окружения» [Perception and its Modalities, 2015, p. 16]. Эти

два способа взаимодействия с миром прочно переплетены в перцептивно-когнитивном синтезе, поскольку культура оказывает значительное влияние на формирование концептуальных систем человека и тем самым «встраивается» в сенсорику.

Культурная составляющая перцепции стала объектом научного внимания еще в конце XIX в. В 1883 г. Ф. Боас, занимавшийся исследованием культур и языков коренного населения Северной Америки, обратил внимание на то, как эскимосы воспринимают цвет морской воды, а позже выявил в их языке четыре неродственных наименования белого цвета, используемые для обозначения снега. Его наблюдения позволили ему заключить, что глаз – это не просто физический орган, а «средство восприятия, формируемое традицией, в которой воспитывался его обладатель» [Stocking, 1968, р. 145].

С тех пор положение о том, что ощущение не есть простая физиологическая реакция организма, прочно утвердилось в гуманитарных науках. Ощущение рассматривается как «культурная производная», продукт «сложного взаимодействия тела и разума» [Morris, 1993, р. 27], формирующийся в результате усвоения и «присвоения» индивидом культуры, в которой он воспитывается [Vannini, 2012].

Культурная опосредованность перцептивного опыта проявляется многообразно. Во-первых, каждая культура предлагает своему носителю специфический, вполне конкретный набор аффордансов – спектр возможных телесных взаимодействий с окружающей средой, предполагающих получение сенсорной информации (см., например: [Van Dantzig, 2009]). Аффордансы соотносятся как с естественными природными объектами, находящимися в зоне проживания того или иного социума, так и созданными этим социумом артефактами, которые также требуют определенного перцептивного взаимодействия с ними. Одной из интереснейших в этом плане инноваций в современной западной культуре является разработка технологий типа *touch-screen*. Новая архитектоника чувственности, основанная на интеграции зрения и тактильности, по мнению ряда специалистов, неизбежно приведет к появлению и новых словесных способов обозначения сенсорных манипуляций и получаемых ощущений [Jütte, 2010].

Во-вторых, культура регулирует нагрузку на тот или иной перцептивный канал, предписывая своему носителю в большей или меньшей степени полагаться на определенный орган чувств. По наблюдениям Д. Хауза, такая неравномерность перцептивной нагрузки неизменно манифестируется на вербальном уровне: в не-

которых культурах «обнаруживаются тонкие языковые различия в визуальном домене, в других – в ольфакторном домене, а в третьих – в сфере вкуса» [Howes, 2003, р. 9–10]. В качестве иллюстрации к этому положению Хауз приводит некоторые статистические данные по вкусовому и ольфакторному домену. В английском языке четыре вкусовых категории, в японском – пять, в языке племени веева, населяющего остров Самба в Индонезии, – семь, в языке серер идут в Сенегале – три. Что касается ольфакторных терминов, в языке серер идут их пять, у веева – три, в японском – два, а в английском ольфакторный словарь как таковой отсутствует [ibid., р. 9]. Заметим, что сам Хауз делает весьма существенную оговорку: сенсорные значения могут передаваться в сообществе и без посредства языка, с использованием других средств [ibid., р. 10]. Однако наличие готовых средств верbalного выражения, несомненно, свидетельствует о высоком ранге того или иного типа перцептивного опыта в структуре ценностей и о высокой степени его отрефлексированности.

Идея неравномерности перцептивной нагрузки, санкционируемой разными культурами, легла в основу, по меньшей мере, двух историко-антропологических концепций. Первая из них была разработана немецким натурфилософом Л. Океном в начале XIX в. и получила известность как «расовая иерархия ощущений». Окен предложил следующую классификацию этнокультур, положив в основу преобладающий в них перцептивный модус взаимодействия с реальностью: 1) человек-кожа (африканец); 2) человек-язык (австралиец и малиец); 3) человек-нос (коренной американец); 4) человек-ухо (азиат-монголоид); 5) человек-глаз (европеец) [Howes, Classen, 2013, р. 10]. Многие современные ученые считают эту классификацию расистской, как и все подобные попытки привязать особенности восприятия к фенотипическим особенностям человека [Day, 2013, р. 4].

Совершенно иной подход был предложен М. МакЛюэном, который создал перцептивные профили сообществ, сделав акцент на историческую динамику в развитии сенсориума. По МакЛюэну, в своем сенсорном развитии общество проходит четыре стадии: устно-слуховую, рукописную, типографскую и электронную. В устно-слуховых обществах основу коммуникации составляет речь. В таком обществе слух имеет большое значение, так же как и осязание и обоняние, поскольку для общения люди собираются вместе, и прикосновения и запахи составляют часть этого синестетического коммуникативного комплекса. На рукописной стадии устно-слуховой модус вытесняется зрительным. Принципиально важную роль в этом процессе играет фонетический алфавит, кото-

рому МакЛюэн отводит роль ведущей силы в переходе человека от племенной к цивилизационной фазе, поскольку он дает нам вместо уха глаз. Рукописная культура, по мнению ученого, является аудиально-тактильной, по сравнению с культурой печатной. Средневековый человек, как утверждает МакЛюэн, читал не глазами, как сейчас, а губами, проговаривая то, что он видел, и ушами, вслушиваясь в произносимые слова, слыша то, что называется «голосом страниц». И лишь с введением книгопечатания сформировалась «сенсорная галактика Гуттенберга» – мир, в котором зрение стало главным, оттеснив все остальные виды перцепции. Вызванная книгопечатанием революция связала воедино зрение и логику, зрение и мышление, зрение и объективность. В отличие от звука, который проникал в слушателей и окружал их, зрение объективировало то, что было видимо, предоставляя зрителю перспективу, расстояние, баланс, отстраненность и ощущение самости. Наступила гегемония глаза, являющаяся ярчайшей чертой западного общества, отличающего его от Востока и примитивной Африки. По МакЛюэну, последняя стадия, электронная, воссоединяет ощущения, обеспечивая новый перцептивный синтез [McLuhan, 1962].

Антропологическая концепция МакЛюэна обладает несомненной ценностью для культурологии и лингвистики. Перечислим лишь некоторые аспекты, представляющиеся нам наиболее релевантными.

Во-первых, эта концепция вводит в исследование фактор исторической изменчивости, учет которого необходим при работе со словарным составом языка, в том числе и с сенсорной лексикой. Семантический объем лексической единицы сенсорной семантики может существенно изменяться с течением времени, и неучет этого фактора чреват искусственным «вчитыванием» современных смыслов в тексты более ранних периодов. Примечательна в этом отношении история английского глагола *feel*. В древнеанглийский период он означал прикосновение к чему-либо и ощущение от этого прикосновения. К концу этого периода развилось значение ментального восприятия. К началу XIII в. (среднеанглийский период) отмечается появление у данного глагола эмотивной семантики («получить эмоциональный опыт или отреагировать эмоционально»). В середине XIV в. эмотивная семантика конкретизируется, и глагол *feel* начинает обозначать «сочувствие или сострадание». С конца XIV в. глагол начинает также использоваться в значении «знать заранее, предчувствовать». И наконец, в первой трети

XIX в. появляется оборот *feel like*, обозначающий желание что-то сделать¹.

Во-вторых, концепция МакЛюэна демонстрирует принципиальную «множественность исторических траекторий» [Howes, 2003, р. 9], необходимость дифференцированного подхода к анализу культуры и ее языка, неправомерность прямой экстраполяции выводов, полученных при изучении одного языка, на другой, бесперспективность создания универсальных проектов типа «естественной истории ощущений» [Ackerman, 1990] или универсального словаря сенсибилий².

В-третьих, связывая культурно-технологический прогресс с функциональной нагрузкой на органы чувств, эта концепция позволяет объяснить расширение соответствующей части словаря в тот или иной исторический период, развитие специфических типов значения у перцептивной лексики. Особый интерес в этом отношении представляет появление «эпистемических смыслов» [Рябцева, 2005, с. 229] у сенсорной лексики в европейских языках (*I see what you mean* = I understand you; *Do you see the things the way I see them?* = Are you of the same opinion?); *I hear he has got married* = I know he has got married и т.п.).

Возвращаясь к вопросу о культурной детерминированности сенсорного опыта, отметим, что культура может регулировать его объем, санкционируя либо запрещая как приобретение определенных сенсорных впечатлений, так и вывод этих впечатлений в речь. Так, культуры западного типа до недавнего времени не поощряли внимание к сенсорике. Общеизвестно, какой скандал вызвала в обществе публикация в 1857 г. цикла стихов Ш. Бодлера «Цветы зла» (*«Les Fleurs du mal»*). Автор был обвинен в оскорблении общественной морали и отдан под суд за чрезмерную чувственность многих его стихов, за неподобающую духу времени «передачу мультисенсорных аспектов жизни и бытия» [Day, 2013, р. 1]. Начиная с эпохи Просвещения, западному человеку традиционно предписывалось подчиняться разуму, а не телесным позывам, и фокусироваться на духовных ценностях, а не чувственных впечатлениях. Особенно губительной такая практика оказалась для ос-

¹ Этимологический словарь. – Mode of access: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=feel (Дата обращения: 28.02.2017.)

² Ср. высказывание Р. Ютте: «Не может быть никакой естественной истории ощущений; может быть только социальная история человеческого восприятия» [Jütte, 2000, р. 9].

мысления и вербализации внутрителесных, или инteroцептивных, ощущений, у которых практически не сформировался собственный, «терминоподобный» словарь (см.: [Нагорная, 2014, с. 33–34]).

И наконец, культура может ранжировать сенсибилии, приписывать им разную ценность, закреплять за некоторыми ощущениями статус высоконадежных, престижных и способствующих постижению истины. В западной культуре, например, с Античности существовало представление о возвышенности, духовности зрения и слуха и низменности вкуса и осязания. Более того, зрение и слух ассоциировались с высшими психическими функциями, с интеллектом, в то время как остальные сенсибилии были связаны с сугубо физическими сторонами человеческого бытия.

В Средние века неравный аксиологический статус сенсибилий породил дискуссии о том, насколько уместен язык того или иного ощущения при разговоре о Боге. Большинство раннесредневековых теологов (Ориген, Св. Августин, Григорий Великий) высказывалось лишь в пользу зрения и слуха, полагая, что это истинно Божественные ощущения, которые человек получил в дар. И лишь начиная с XII в. в богословских работах (Бернард Клервоский) начинает использоваться язык вкуса и осязания как наиболее телесный, передающий наиболее интимные переживания и непосредственную связь с Богом [Rudy, 2002, р. 3–5]. Таким образом, разный аксиологический статус ощущения в культуре влияет на степень его вербальной представленности в текстах того или иного периода и той или иной дискурсивной принадлежности, а именно текст служит основным источником лингвистической информации, служащим материалом научного анализа. Язык, как точно отмечает Дж. Бурк, «включается в диалог между физиологическим телом и социальной средой» [Bourke, 2014, р. 22].

Таким образом, культура направляет перцептивный опыт, «подсказывает» способы его осмысления, диктует нормы его оценки и предлагает готовые вербальные решения для его вывода в речь. К. Геуртс идет еще дальше, заявляя, что ощущения – «это способы воплощения культурных категорий, вотелеснивания определенных культурных ценностей и аспектов бытия, которые определенное культурное сообщество исторически считает ценными и дорогими» [Geurts, 2002, р. 10].

2. Терминологический аппарат лингвосенсорики

Терминологический аппарат лингвосенсорики нельзя признать полностью устоявшимся, поскольку до выхода в свет работы В.К. Харченко [Харченко, 2012] попыток стянуть все лингвистические исследования по языку ощущений в единую парадигму не предпринималось, а следовательно, не ставилась задача унификации метаязыка описания.

Базовым для формирующейся лингвистической парадигмы является понятие *сенсорный*, используемое наравне с *перцептивный*¹. Заметим, что в англоязычной традиции «сенсорный» соотносится с ощущением, а «перцептивный» – с восприятием, обозначая, таким образом, разные с психологической точки зрения явления. Между тем отсутствие четкой дифференциации не является в данном случае грубой методологической и терминологической ошибкой. Во многих трудах по психологии правомерность четкого разграничения ощущения как первичного сенсорного стимула и восприятия как продукта его переработки оспаривается. Так, Ч. Осгуд пишет о невозможности «чистого», не обработанного сознанием ощущения [Осгуд, 2009, с. 94–95]. Не обнаруживает существенных различий между ощущением и восприятием и описывает общность их происхождения С.Э. Поляков [Поляков, 2007, с. 10–11]. Придерживаясь феноменологической трактовки ощущения, лингвосенсорика также не отделяет сугубо чувственный его компонент от концептуального и не претендует на изучение и описание его физиологического базиса. В связи с вышесказанным отсутствие дифференциации между сенсорным и перцептивным в лингвистическом описании представляется оправданным.

Для обозначения отдельного вида ощущения в лингвистике используется термин *перцептивный модус* (или модус перцепции, реже – сенсорный модус) (см., например: [Рузин, 1995]), который практически полностью вытеснил в современных работах термин «модус чувственного восприятия» [Арутюнова, 1999].

Терминологическое обозначение отдельных модусов обнаруживает широкую вариативность. Используются как традиционные названия ощущений – «перцептивный модус “запах”» [Булюбаш, 2016], так и их адъективные дериваты – «зрительный модус» [Фролова, 2006], а также термины латинского происхождения,

¹ «Термин “сенсорный” мы употребляем как абсолютный синоним к термину “перцептивный”» [Харченко, 2012, с. 9].

употребляемые и в зарубежных исследованиях: «визуальный» («visual» – зрительный), «аудиальный» («audial» – слуховой), «тактильный» («tactile» – осязательный) или «гаптический» («haptic»), «ольфакторный» («olfactory» – запаховый) [Брылева 2010], «густаторный» («gustatory» – вкусовой).

Ключевым для многих работ по сенсорике является понятие сенсорного опыта, содержание которого, впрочем, не эксплицируется. Под сенсорным опытом может пониматься как кратковременное, дискретное чувственное впечатление, так и совокупный опыт переживания разнообразных ощущений, приобретаемый на протяжении жизни человека. Сам человек, испытывающий ощущения, обычно именуется *перцептором* [Верхотурова, 2009]. Необходимо оговориться, что за перцептором традиционно закреплен преимущественно визуальный модус восприятия, и этот термин встречается в основном в работах, посвященных исследованию категории «наблюдатель» (см.: [Верхотурова, 2009, с. 22]). Разумеется, «наблюдатель» есть зонтичное понятие, включающее в себя все перцептивные модусы и обозначающее ситуацию непосредственной включенности в описываемое событие¹. Тем не менее, учитывая его устоявшееся употребление и семантическую близость с понятием «субъект», некоторые исследователи считают целесообразным использовать в лингвосенсорике термин *перципиент* [Нагорная, 2014, с. 57], тем более, что он широко используется в зарубежных работах по телесной и сенсорной проблематике (см., например: [Todes, 2001]).

А.В. Нагорная предлагает дополнить терминосистему лингвосенсорики единицей *экспериенцер*. В этом случае перцептор / перципиент соотносится с актуальным, наличным сенсорным опытом, приобретаемым «здесь и сейчас», а экспериенцер – с совокупным сенсорным опытом, аккумулируемым на протяжении жизни человека [Нагорная, 2014, с. 57]. Это разграничение представляется релевантным в лингвокогнитивной перспективе, поскольку «когнитивные механизмы, задействованные при ретроспективном описании ощущения, несколько отличаются от тех, которые используются непосредственно в момент переживания опыта» [там же, с. 57].

¹ Ср.: «В отечественном языкоznании категория Наблюдатель номинируется, как правило, тремя возможными лексическими способами – наблюдатель, субъект восприятия (воспринимающий субъект), перцептор при полной взаимозаменяемости перцептора и субъекта восприятия как терминов единой смысловой природы, но различного языкового происхождения» [Верхотурова, 2009, с. 22].

Глава II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕНСОРИКИ

1. Проблема классификации ощущений в современных гуманитарных науках

Будучи одним из основополагающих для изучения сенсорики, вопрос о количестве ощущений продолжает оставаться спорным на протяжении многих веков и не находит однозначного решения.

Традиционно считается, что человеческий сенсориум имеет пятичастную структуру и включает в себя зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Авторство этой пятичленной модели принадлежит Аристотелю. Он выделил четыре основных ощущения, связав каждое из них с одной из четырех стихий: зрение соответствует стихии воды, слух – воздуху, обоняние – огню, а осязание – земле. Вкус же Аристотель считал особой формой осязания, а само осязание признавал главным, первичным ощущением, поскольку оно свойственно всем живым существам и с его помощью тело может ощутить свойства всех четырех природных элементов, такие как тепло или холод, сухость или влажность [DeSensu 438 b-439 a. Цит. по: Anderson, 2003, р. 309]. В труде *DeAnima* (Книга III, Гл. 1), часто цитируемом в работах по сенсорике, Аристотель категорично утверждает, что существует «пять, и только пять чувств» [Macpherson, 2011, р. 15], возводя вкус в ранг самостоятельного ощущения и окончательно закрепляя пятичастную структуру сенсориума.

Пятичастная модель сенсориума прочно закрепилась в сознании представителей Западной культуры, особенно после XII в., когда труды Аристотеля были переведены на латынь и стали активно распространяться, изучаться и популяризоваться в Европе. Приняли «традиционную пенталогию» [Serres, 2008, р. 3] и на Востоке: Авиценна, например, предложил исчерпывающую и эстетически привлекательную перцептивную формулу: «Слух, зрение, нюх и вкус и осязанья нить охватывают все, что можно ощутить» [Фейгенберг, 1986, с. 6].

Несмотря на то, что пятичленная модель выглядит убедительно и покойится на важном для феноменологии принципе здравого смысла, ее научная состоятельность неоднократно подверга-

лась сомнению. Высказывается предположение, что в основу Аристотелевой модели скорее всего были положены нумерологические принципы, желание вписаться в «красивое» число, а не философские выкладки и уж тем более не научные изыскания [Synnott, 1993, р. 155].

Уже Гален говорил о существовании шести ощущений. В более поздние периоды ученые выделяли от восьми (М. фон Фрей) до 12 (Э. Дарвин, А. Соесман). Р. Ривлин и К. Гравелл пишут, что пяти ощущений явно недостаточно для того, чтобы «описать широкий спектр сенсорных возможностей человека как биологического вида» [Rivlin, Gravelle, 1984, р. 17] и предполагают, что более точное их число – 17. Средневековые мистики, в том числе и основатель библейской филологии Ориген, говорили о существовании особых «внутренних», или «духовных» ощущений, с помощью которых человек познает нематериальный, духовный мир [Rudy, 2002, р. 17]. Следует отметить, что вопросы метафизики ощущений до сих пор не сняты с повестки дня, хотя они и остаются на периферии научных исследований (см., например: [Macpherson, 2011]). Заметим также, что в современной науке активно обсуждается вопрос о связи ощущения и эмоции и о статусе последней в структуре сенсорного опыта (см., например: [Поляков, 2007]), что в перспективе также может привести к включению новых элементов в классификацию ощущений.

Неудовлетворенность Аристотелевой пенталогией, желание дополнить ее всегда ощущались и за пределами научных дискурсов, в бытовом, повседневном общении. Не случайно во многих языках мира сформировалось понятие «шестое чувство», которое, в отличие от традиционных пяти, так и остается неопределенным до конца. На его роль претендуют интуиция, экстрасенсорное восприятие (в том числе и прекогниция), чувство прекрасного, чувство юмора, разнообразные «сверхчувственные» формы, активно исследуемые в современной массовой культуре (см.: [Macpherson, 2011, р. 21–22]) и множество других чувств и ощущений.

Примечательно, что в рамках наивной, ненаучной картины мира не принято проводить четкой границы между ощущением и чувством, между физическим и метафизическими, между органическим и духовным. Не случайно, например, английский глагол *sense*, наряду с «ощущать», означает также «чувствовать» и «понимать». Заслуживает внимания и английское *common sense*, используемое сейчас для обозначения здравого смысла и утратившее связь с исконными перцептивными динамиками, которое некогда

было ключевым понятием теории ощущений и обозначало центральное внутреннее чувство, которое получало информацию от внешних и «собирало» ее воедино [Woolgar, 2007, р. 18].

Любопытно отметить, что в многочисленных наставлениях приходским священникам, издававшимся в XII–XIII вв., в качестве шестого чувства указывалась речь. Показательна в этом отношении пьеса *Lingua* XVII в., в которой язык настаивает, что он должен считаться одним из чувств, причем самым главным [Mazzio, 2013, р. 11].

Важно подчеркнуть, что даже при сохранении пятичленной модели ее содержательное наполнение могло быть различным в разные исторические периоды. Интереснейшее в лингвистическом плане свидетельство обнаруживается в древнеанглийских текстах, где встречается слово *smec*, использовавшееся для обозначения вкуса и запаха. В средневековой поэме «Видение о Петре-пахаре» у Ленгленда пять сенсибилий описываются так: «*SirsSee-well, Hear-well, Say-well, Work-well-with-thine-hand, and Godfrey Go-well*». Таким образом, к ощущениям относятся зрение, слух, речь, осязание и ходьба. Историки отмечают, что активное внедрение в научные дискурсы Аристотелевой пенталогии вызвало огромные трудности у средневековых английских переводчиков, в культуре которых существовали другие представления о структуре сенсориума [Howes, Classen, 2013].

Еще более сложной картина становится в том случае, если мы выходим за пределы конвенций, принятых в Западной культуре, и обращаемся к изучению сенсориума человека, воспитывающегося в других традициях. У хауса, например, существуют всего два глагола для обозначения ощущений – *gani* (видеть) и *ji* (все остальные ощущения). В культуре народности анло-эве одним из главных ощущений признается баланс, поскольку с ранних лет способность балансировать предметы на голове является важнейшей частью жизни людей [Geurts, 2002, р. 52]. У народности цо-циль, принадлежащей племенам майя, культивируются температурные ощущения и именно в терминах температурных ощущений описывается физический и социальный мир. Для десана в Амазонии большое значение имеет кросс-сенсорное восприятие; в Перу в галлюциногенном опыте различается специальный модус «синестетического зрения»; у народов Западной Африки наблюдается способность к различению различных нюансов мышечных ощущений [Howes, 2006].

Изучая подобные факты, американский антрополог Э.Т. Холл высказал мысль о том, что «люди, принадлежащие различным культурам, не только говорят на разных языках, но и, что возможно важнее, *населяют различные сенсорные миры*» [Hall, 1966, р. 2]. По нашему убеждению, под «сенсорными мирами» в данном случае имеются в виду все же миры *перцептивные*. Неспособность испытать то или иное ощущение связана с дефицитарностью не сенсорной, а ментальной экипировки: культура не предоставляет своим носителям необходимых аффордансов, поощряет строго определенные типы сенсорного опыта, игнорируя или подавляя другие, не обучает своих носителей средствам осмыслиения определенных типов сенсорного опыта и не предоставляет им необходимого арсенала вербальных средств для его вывода в речь. Заметим, что о роли последнего фактора говорили еще Платон и Демокрит, которые считали количество ощущений принципиально неисчислимым и полагали, что большинство из них остаются неопознанными и непризнанными лишь потому, что для них нет особых наименований [Anderson, 2003, р. 310].

Как видно из этого краткого обзора, проблема создания исчерпывающей номенклатуры ощущений представляется весьма трудноразрешимой, особенно с учетом ее кросс-культурной перспективы. Дополнительным фактором, затрудняющим создание исчерпывающей классификации, являются многочисленные открытия в области человеческой сенсорики, датируемые последними десятилетиями: изучение феноменов «слепого зрения», визуальной агнозии, вомероназального восприятия, возможностей использования эхолокации человеком и множества других [Macpherson, 2011, р. 3–10]. Затрудняют решение этой задачи и некоторые современные подходы к изучению перцепции. Существует мнение, что при восприятии окружающего мира задействуется весь человеческий сенсориум в комплексе (*inconcert*), и вычленение отдельных его компонентов нецелесообразно и эвристически бесперспективно [Perception and its modalities, 2014, р. 1]. Кроме того, если признать, что весь чувственный опыт подвергается обработке, пропускаясь сквозь множество когнитивных фильтров, «исходная мотивация к четкой дифференциации видов ощущений теряется» [ibid., р. 13]. Ощущения предлагается считать не онтологическими, а прагматическими категориями. В этом случае идентификационный критерий, применимый в одном контексте, оказывается непригодным в другом, а сама задача идентификации сводится к поиску

критерия, максимально соответствующего решаемой актуальной теоретической задаче [Perception and its modalities, 2014, p. 13].

Остроумное терминологическое решение, позволяющее нейтрализовать классификационные проблемы, предложил Л. Талми. Оно заключается в том, чтобы ввести в научный обиход понятие «цепция», которое не только включило бы в себя все возможные ощущения, но и послужило бы объединяющим для перцепции и концепции, охватив систему когнитивных образов, мышление и аффекты [Talmy, 2002].

Обозначенные проблемы и предлагаемые способы их решения, несомненно, интересны и требуют учета в качестве общего научного контекста при лингвистическом изучении сенсорики. Однако следует иметь в виду, что лингвистика имеет дело преимущественно с *наивной* картиной мира, в рамках которой релевантной оказывается *наивная* же теория ощущений (folk psychology [Perception and its modalities, 2014, p. 13]). Наивные знания, вбирая в себя элементы научных теорий, тем не менее сохраняются в коллективном когнитивном пространстве на протяжении длительных периодов истории того или иного сообщества. Фиксирующие их средства языкового выражения обнаруживают впечатляющую стабильность и продолжают жить в языке и после того, как научная несостоятельность соответствующих представлений становится очевидной и принимается сообществом как данность.

По вышеуказанным причинам, в рамках лингвосенсорики представляется целесообразным придерживаться классической пятичленной модели сенсориума, по крайней мере при изучении западных языков. Тем не менее в современной лингвистике наметились серьезные предпосылки для расширения концептуальных границ сенсорных штудий. Вслед за другими гуманитарными науками, лингвистика открыла для себя классификацию ощущений, предложенную английским физиологом Ч. Шерингтоном в 1906 г., и оценила ее исследовательский потенциал. Шерингтон выделил три группы ощущений: 1) *экстероцептивные* – возникающие при воздействии на рецепторы, расположенные на поверхности тела; 2) *интероцептивные*, или органические – обусловленные обменными процессами во внутренней среде организма; 3) *проприоцептивные*, или кинестетические – возникающие при воздействии на рецепторы, расположенные в мышцах, сухожилиях и суставных сумках и свидетельствующие о движении и относительных положениях частей тела [Sherrington, 1906].

В рамках этой классификации традиционные пять сенсибилий подпадают под категорию экстeroцептивных ощущений и составляют лишь часть сенсориума. Именно эта часть оказывается наиболее разработанной в лингвистике, хотя разные ощущения представлены в исследованиях неравномерно. Интероцептивные ощущения уже вычленены в отдельную область сенсорных исследований в лингвистике [Нагорная, 2014] и имеют хорошие перспективы в плане дальнейшей разработки. Кроме того, в лингвистике стихийно сложилось весьма интересное и перспективное направление, связанное с изучением языка болевых ощущений. Оно сопрягается с изучением языка интероцепции, но не дублирует его. Что касается проприоцептивной проблематики, то она еще не оформилась в отдельную область исследования, хотя этот вид ощущений упоминается при исследовании широкого спектра телесных метафор. Каждая из обозначенных выше групп будет рассмотрена в соответствующем разделе данной главы обзора.

2. Лингвистика экстeroцептивных ощущений

2.1. Зрение

Визуальный модус восприятия единодушно признается важнейшим в перцептивном опыте человека. Исследования, проведенные учеными из Института Макса Планка на материале устных бесед носителей 13 языков, убедительно показали, что зрение представляет собой наиболее важную сенсорную модальность, и окуляроцентризм является по сути общечеловеческой универсалией, или, как выразились сами авторы, «пан-человеческим феноменом» [Vision verbs dominate.., 2015, p. 1].

Примечательно то, что в некоторых языках, носители которых принадлежат традиционным культурам, визуальный модус восприятия отражен не только в лексике, но и в грамматической системе. Так, в языке квакиутль, относящемся к группе вакашских языков, используется система указательных местоимений, построенная на визуальном принципе. Шесть указательных слов содержат обязательный компонент «видимый / невидимый» и в переводе на русский язык звучат так: «видимый рядом со мной», «невидимый рядом со мной», «видимый рядом с тобой», «невидимый рядом с тобой», «видимый рядом с ним» и «невидимый рядом с ним» [Perception and cognition in language and culture, 2013, p. 9].

Нельзя не признать, однако, что именно в культурах западного типа предпочтительность визуального восприятия и высокий статус последнего в структуре телесного и ментального опыта выражены наиболее отчетливо и наиболее полно отрефлексированы как в бытовых, так и в научных дискурсах. По мнению исследователей, «культурная салиентность зрения» [Perception and cognition in language and culture, 2013, р. 3] на Западе обусловлена нескользкими причинами. Важнейшая из них заключается в том, что зрение всегда считалось «благородным» ощущением и ассоциировалось с духовной просветленностью и интеллектуальной просвещенностью [Howes, Classen, 2013, р. 1]. Связь между зрением и знанием значительно усилилась в XVII–XVIII вв. с изобретением множества приборов, увеличивших точность научных исследований и предназначенных для визуального наблюдения за объектами (например, телескоп и микроскоп). Зрение стало «служанкой рационалистической науки» [Smith, 2007, р. 23], поскольку знание обреталось с помощью глаза и с помощью него же верифицировалось. Зрение считалось наименее субъективным из всех ощущений и наиболее подходящим перцептивным модусом для научных исследований [Howes, 2003, р. 6], а возможность непосредственного наблюдения стала критерием истинности. Установившаяся культурная ассоциация между зрением и знанием дополнительно упрочилась с распространением книгопечатания и развитием живописи – важнейшего вида искусства на Западе. Все дальнейшее развитие Западной культуры способствовало установлению и поддержанию «гегемонии зрения» [Modernity and the hegemony of vision, 1993]. Уже в наше время значительная часть технологических инноваций предназначена для использования зрения (телевидение, компьютерная графика и технологии визуализации различных процессов, 3 D-технологии в кино, конструирование виртуальной реальности в компьютерных играх и т.д.), а также для усиления его естественных возможностей и преодоления ограничений зрительного восприятия (УЗИ, МРТ, контактные линзы и т.д.).

«Гипервизуализм западной культуры» [Smith, 2007, р. 24], по мнению некоторых исследователей, не просто диктует определенный модус восприятия реальности, но и формирует особый тип личности. Дж. Бергер, например, объясняет индивидуализм как сущностную черту западной культуры в том числе и особенностями принятых в ней конвенций линейной зрительной перспективы.

Эти конвенции были сформированы в живописи эпохи Возрождения¹; они предписывали помещать наблюдателя в центр ситуации и представлять ее его глазами. Наблюдатель становится «универсальным центром», и весь видимый мир «организуется специально для него» [Berger, 1972, р. 16].

Будучи центральным модусом восприятия, зрение привлекает к себе наибольшее внимание в гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике. Лингвистические исследования осуществляются в нескольких основных направлениях.

Первое из них связано с определением спектра визуальной лексики как таковой. Будучи «главным ориентиром человека в мире» [Рябцева, 2005, с. 230], зрение предоставляет информацию о множестве свойств находящихся в нем предметов. В работе Н.К. Рябцевой перечисляются следующие физические явления, охватываемые ситуацией зрительного восприятия: свет, цвет, (о)краска (яркий, белый, блестящий); размеры и форма (длинный, большой, квадратный); количество (мало, много); физические свойства (тяжелый, сильный); пространство и расположение (здесь, там, внутри); расстояние, направление, перспектива (далеко, близко, вверх, направо); положение наблюдателя и ориентация (до, перед, сзади); следы и отпечатки (метка, знак); геометрические фигуры (линия, угол, кривая); состояние среды, через которую воспринимается предмет (туман, пелена, завеса); наличие препятствий (загораживать, прикрывать); сила и состояние зрительной способности (близорукий, дальтоник); специфические «визуальные» операции (искать, найти, следовать, заметить, обнаружить); «единицы» наблюдения (вид, обзор, панorama, зрелище); идентификация, сравнение и различие самих физических предметов, действий и явлений (появиться, расти, исчезнуть) [Рябцева, 2005, с. 232].

При таком широком подходе можно было бы достичь не только полного охвата языкового материала, но и высокого уровня системности при лингвистическом описании феномена визуальности. Однако само количество компонентов ситуации зрительного восприятия, их разнородность и «разнофокусированность» крайне затрудняют возможности применения такого подхода на практике. Кроме того, перечисленные Н.К. Рябцевой физические явления

¹ Разработка принципов линейной зрительной перспективы обычно связывается с деятельностью Леона Баттисты Альберти (1404–1472), итальянского архитектора и художника эпохи раннего Возрождения.

традиционно разносятся по разным понятийным, научным и классификационным категориям, и их связь с визуальностью во многих случаях оказывается затушеванной.

Большинство лингвистических работ посвящено рассмотрению лишь одного аспекта зрительного восприятия. Наиболее популярным объектом анализа является цвет – квинтэссенция визуальности. Примечательно, что исследование ведется в условиях широкого междисциплинарного диалога с участием физиков, физиологов, офтальмологов, нейрологов, психологов, этнографов, культурологов и представителей других наук [New directions in colour studies, 2011]. Необходимость такого сотрудничества обусловлена тем, что «взаимодействие между культурой, языком, знанием и физиологией, которое в конечном счете определяет использование терминов цветообозначения, несомненно обладает высокой степенью сложности» [Anthropology of color., 2007, р. 19]. Исследования доказывают необходимость учета сложной совокупности факторов: географических (например, расположение относительно экватора), физиологических (общность физиологического субстрата зрительного восприятия; влияние ультрафиолетового излучения на сетчатку глаза), перцептивных (способность к распознаванию цветов даже при отсутствии соответствующих терминов цветообозначения в языке), когнитивных (способность к категоризации цветов), прагматических (практическая ценность распознавания определенной части цветового спектра), социальных (специфическое перцептивное научение, организуемое в социуме), культурных (роль традиции в цветообозначении), лингвистических (наличие или отсутствие в языке соответствующих терминов) и множество других.

Один из результатов такого активного междисциплинарного взаимодействия заключается в том, что именно эта область лингвосенсорных исследований оказывается наиболее проработанной методически. Исследования цвета строятся на основе высоко формализованных экспериментов, в ходе которых слово-колороним соотносится информантом с перцептивным образцом – конкретным физическим объектом определенного цвета (например, набором образцов Манселла) [Рахилина, 2007, с. 29]. Такой подход обеспечивает возможность типологических исследований терминов цветообозначения в разных лингвокультурах.

Классической стала работа Б. Берлина и П. Кея, которые произвели сравнение 20 языков и сформулировали общие принципы цветоосмыслиения и цветонаименования. Согласно полученным

ими данным, существует универсальный список, включающий 11 базовых цветовых категорий, на основе которого формируется список из 11 или менее терминов-колоронимов в каждом языке. Эти 11 базовых категорий включают: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. Если не каждая из этих категорий оказывается представленной в языке, действуют следующие закономерности: 1) во всех языках есть обозначения для белого и черного; 2) если в языке три термина цветообозначения, то третьим является красный; 3) если таких терминов четыре, то четвертым является зеленый либо желтый (но никогда оба); 4) если в языке пять терминов, то в нем присутствуют и зеленый, и желтый; 5) если в языке шесть терминов, шестым является синий; 6) если в языке семь терминов, седьмым оказывается коричневый; 7) если в языке восемь и более терминов, он включает наименования для фиолетового, розового, оранжевого, серого и их комбинаций [Berlin, Kay, 1969, р. 2–3].

Заметим, что в литературе по типологии цветообозначения используется два специальных классификационных термина: *grue* для языков, в которых отсутствуют отдельные наименования для зеленого и синего, и *dark* для языков, в которых не дифференцированы синий и черный или зеленый, синий и черный [Anthropology of color., 2007, р. 7].

В современной лингвистике существуют различные подходы к изучению «цветового словаря» как в рамках одной лингвокультуры, так и в сравнительно-типологической перспективе.

Активно исследуется этимология цветонаименований в различных лингвокультурах и описываются системы цветообозначений в древних и современных языках [Наименования цвета в индоевропейских языках., 2007]. Некоторые исследователи производят подробную каталогизацию первичных и производных терминов цветообозначения, определяют принципы номинации, изучают потенциал терминосистемы цвета и возможности создания окказиональных, авторских цветохарактеристик (например, *смуглый-алый*, *воздушно-белый*, *голубо-алый*) [Харченко, 2009]. Изучаются и исторические динамики цветонаименований, устанавливаются соответствия между терминосистемами цвета в разные исторические периоды в рамках одной лингвокультуры [Deutscher, 2010]. Данное направление во многом сложилось под влиянием У. Глэдстоуна, известного британского ученого и политического деятеля XIX в., который в своем монументальном труде о поэмах Гомера обратил

внимание на «неправильность» в описании цветовых характеристик некоторых объектов («фиолетовые овцы», «зеленый мед» и др.) и положил начало продолжительной научной дискуссии о том, «видели» ли наши предки мир таким, каким видим его мы, и стабильна ли семантика терминов цветообозначения [Deutscher, 2010, р. 25–30].

Представляет интерес для лингвистики и проблема цветовых прототипов – объектов, с которыми в первую очередь ассоциируется тот или иной цвет в определенной культуре и которые выступают эталонными носителями признака. В работе Л.В. Лаенко приводятся следующие примеры: эталоном коричневого цвета в современной русской лингвокультуре являются жареный кофе и желудь, в то время как в английской лингвокультуре эталонными носителями этого цветового признака служат земля, дерево и кофе. Может наблюдаться межъязыковая асимметрия: в некоторых лингвокультурах существует лишь один цветовой прототип, в то время как в других их может быть больше. Так, эталоном красного в русской лингвокультуре является кровь, а в английской – кровь и огонь [Лаенко, 2005, 31]. Выявление и изучение таких прототипов часто осуществляется на основе анализа устойчивых сравнений (*красный, как кровь; белый, как снег; голубой, как небо; as white as snow; as red as fire; as green as grass и т.п.*). Интересно отметить, что при затруднениях с номинацией цвета в естественной коммуникации часто используется прием отсылки к объекту – обладателю цветового признака, который представляется эталонным говорящему. Так в языке возникают родительные качества типа *цвет вялой травы, цвет спелой вишни, the color of putty, the color of a frog belly* и т.п. Такой простой прием позволяет восполнить дефицитарность как конвенционального цветового словаря, так и цветового идиолекта отдельного носителя языка.

Принципиально иное направление исследований связано с выявлением метафорического потенциала лексики зрительного восприятия. Как показывают исследования, в языках западных культур основной областью цели при метафоризации служат ментальные процессы и состояния. Это объясняется, главным образом, описанной выше исторически и культурно детерминированной связью между зрением и интеллектом. В монографии Н.К. Рябцевой приводятся следующие примеры визуальных метафор, служащих подтверждением «визуальной ориентированности» естественного интеллекта и языка: *в свете последних событий, осветить проблему, скрыть свои намерения, заметить несоответствие, темнить, точка зрения, взгляды, расплывчатые воспоминания*.

минания, мировоззрение, взгляд на жизнь, прозреть и др. [Рябцева, 2005, с. 232–233].

Заметим, что визуальную ориентированность человеческого интеллекта все же не следует возводить в абсолют. Во-первых, ментальные процессы могут концептуализироваться в терминах и других перцептивных модусов с возможной градацией степени эвиденциальности и уверенности в истинности полученного опыта. Ср.: *I saw* («видел») *that there was going to be trouble* – *I heard* («слышал») *that there was going to be trouble* – *I smelt* («чуял») *that there was going to be trouble*. Во-вторых, во многих неиндоевропейских языках (австралийских языках, сужа, седангском, оммура, десана, цоциль, шипибо-конибо и др.) наблюдается полное отсутствие визуальных метафор для обозначения ментальных процессов при изобилии аудиальных, ольфакторных и др. (см. языковые примеры в работе: [Ibarretxe-Antuñano, 2008]). Кроме того, в некоторых культурах (например, у далабон в Северной Австралии) существует запрет на зрительный контакт, и зрение как модус восприятия оказывается дискредитированным, связанным с агрессией, обманом или неподобающим сексуальным поведением [Ponsonnet, 2014, р. 118–119].

В западной же культуре зрительное восприятие, действительно, является метафорическим аналогом разума, чему в немалой степени способствовала популяризация принципов картезианской философии. Метафорическая проекция «понять – значит увидеть» осуществляется посредством установления следующих соответствий: идеи – это объекты, познание идеи – это ясное визуальное различие объекта, разум – это свет, мысленное внимание – это зрительное фокусирование, знающий – это видящий, ум – это острота зрения, точка зрения – это ракурс наблюдения и т.д. [Lakoff, Johnson, 1999, р. 394, 545].

Основная «интеллектуальная функция» зрения заключается в приобретении знания. Укорененная в сознании связь между зрительным восприятием и знанием порождает целый ряд важнейших метафорических проекций: идеи – это зрительно воспринимаемые объекты, узнать – значит увидеть, осознать – значит заметить, попытка обрести знание – это поиск, нечто способствующее обретению знания – это источник света, быть способным познать – это быть способным увидеть, препятствия на пути обретения знания – это преграда зреню, детальное объяснение – это рисование картины, привлечение внимания – это указание на объект, обратить внимание – значит посмотреть на объект и т.д. [Lakoff, Johnson,

1999, р. 238]. Лакофф и Джонсон приводят следующие широко употребительные английские идиомы, базирующиеся на визуальной метафоре и подтверждающие связь между зрением и знанием: «*to be in the dark*» (букв. «быть в темноте») – быть в неведении; «*to shed light*» («пролить свет») – объяснить, прояснить; «*to come to light*» (букв. «выйти на свет») – стать известным; «*to have blinders on*» («смить шоры на глазах») – иметь ограниченное знание и не быть в состоянии или не желать видеть определенные аспекты ситуации; «*to draw somebody a picture*» (букв. «нарисовать кому-то картинку») – детально объяснить ситуацию и др. [ibid., р. 239].

Описана и визуальная метафора как средство концептуализации ситуации, когда человек обретает принципиально новый для него опыт, полностью меняющий его базовые жизненные установки. Предшествующее получению такого опыта состояние осмысляется как «блуждание во тьме» либо «слепота», в то время как сам опыт концептуализируется как «обретение света», «прозрение», «озарение» [DeGloma, 2014, р. 17]. Если принять во внимание религиозные / теологические коннотации света (Бог как свет и Бог как источник света), становится понятным, почему подобная метафорика часто используется для описания опыта приобщения к Богу, принятия религиозной доктрины, воцерковления.

В дополнение к вышеперечисленным, в работе [Ibarretxe-Antuñano, 2008, р. 18] приводится список из следующих метафорических проекций: **видеть** – это предвидеть, воображать, полагать, изучать / проверять, выяснять, удостоверяться, заботиться, страдать, подчиняться, воздерживаться, становиться участником / свидетелем события.

Другое популярное и обширно представленное в литературе направление связано с выявлением символики цвета в разных культурах и возможности образных употреблений цветоноименований.

В работе О.Н. Григорьевой описано употребление колоронимов в политическом дискурсе: черный как символ безнравственного, нечестного; серый – скрытого, утаенного; красный – имеющий отношение к коммунистическим идеям; красно-коричневый – связанный с национализмом; желтый – низкопробная, недобросовестная пресса и т.д. [Григорьева, 2004, с. 34–52]. Символика цвета часто становится объектом исследования в кандидатских диссертациях на материале поэтических и прозаических произведений: А. Блока [Спивакова, 2009], А. Белого [Кравченко, 1994], В. Шаламова [Макевнина, 2006], И. Северянина [Карташова, 2004], Е. Замятиной [Гуделева, 2008], М. Булгакова [Юшкина, 2008] и др.

В лингвистике изучаются также цветовые метафоры, используемые для обозначения различных эмоций: *позеленеть от злости, побагроветь от гнева, to turn crimson with fury, to turn green with jealousy, to turn ashen with fright* и т.п. Как и во всех остальных случаях, такие словоупотребления всегда культурно-специфичны, и «цвет» эмоций в разных языках не совпадает. На материале английского языка очень основательное и интересное исследование было проведено А. Стейнваллом, который соотнес 50 терминов-колоронимов со 135 названиями эмоций. Цветовые наименования для шести базовых эмоций он представил в таблице, указав процентное соотношение словоупотреблений, содержащих колороним. Опустим цифровые данные, расположив цвета в порядке убывания частотности¹: (1) любовь – красный, розовый, оранжевый, фиолетовый, белый, желтый, черный / зеленый; (2) радость – красный / желтый, белый / розовый, синий, оранжевый, фиолетовый, черный / серый; (3) злость – красный, зеленый, белый, фиолетовый, черный, розовый, коричневый, серый, желтый / синий; (4) грусть – черный, серый, красный, синий, зеленый, фиолетовый, белый, коричневый / розовый, желтый, оранжевый; (5) страх – белый, серый, красный, черный, розовый, фиолетовый, желтый / синий; (6) удивление – ассоциаций с цветом не выявлено [Steinvall, 2007, p. 351].

Исследования языка зрительного восприятия, несмотря на двухвековую историю, не только не теряют актуальности в наше время, но и обретают новые измерения и перспективы в связи с появлением новых методологических инструментов, экспериментальных методик, возможностей междисциплинарного взаимодействия и развитием современных технологий.

2.2. Слух

В отличие от зрительного, слуховое восприятие стало объектом научного внимания сравнительно недавно. «Звуковой перевод» (sonic turn) [Auralcultures, 2004, p. 10] в гуманитарных науках во многом продиктован желанием сбалансировать исследования сенсориума, сфокусированные преимущественно на зрении, и реабилитировать другие перцептивные модусы как полноценные ин-

¹ Цвета, используемые в одинаковом процентном соотношении, указаны через косую черту (например, желтый / синий).

струменты познания и объекты научного исследования. Не случайно обоснование актуальности слуховой проблематики в большинстве работ осуществляется в формате полемики с «визуалами». Авторы настаивают на неправомерности иерархического подхода к сенсориуму и отвергают тезис о примате зрения.

Такое опровержение, по мнению Б. Джонсона, требует рассмотрения и решения целого ряда эпистемологических проблем. Основная из них заключается в том, что в западной, в частности, англоязычной, традиции знание неизменно связывается с явлениями визуального порядка: перспективой, наблюдением, демонстрацией, наглядным представлением и т.п. Глубоко символично то, что критически важный для становления западной науки период называется Просвещением (*Enlightenment*). Привычка связывать зрение с информацией и знанием настолько прочно укоренена в англоязычной культуре, замечает Джонсон, что даже музыкальное представление обычно называется «чтением» (*«reading»*), а наиболее «респектабельными» музыкальными жанрами считаются те, что представлены в письменной форме (в виде нот) [Johnson, 2017, р. 9]. Слуховой же модус восприятия, по наблюдениям Джонсона, оказывается в значительной степени дискредитированным как источник информации. Достоверности зрения (*Seeing is believing – Увидеть значит поверить*) противостоит ненадежность, обманчивость слуха (*Don't believe everything you hear – Не верь всему, что слышишь*). Многие слова, обозначающие передачу информации по слуховому каналу, «утратили свой культурный капитал» в XVII–XVIII вв., обретя отрицательные коннотации: *«hearsay»* (сплетни, изначально «услышать сказанное» – *«hear say»*); *«gossip»* (сплетник, изначально «друг-собеседник»), *«whining»* («нытье», «жалобы» – от звукоподражательного «скулить», описывающего вокализацию, характерную для собаки); *«moaning»* («стон» – первоначально сожаление, оплакивание) и т.д. Учитывая сложившиеся в западной культуре приоритеты и стереотипы, в том числе и закрепленные в языке и дискурсивных практиках, оформление «слуховых штудий» в самостоятельное направление исследований потребует существенной ломки существующих парадигм.

В окуляроцентризме, по убеждению Б. Джонсона, «нет ничего естественного или универсального» [ibid., р. 10]. В качестве примера Джонсон приводит финский язык, который он признает значительно более «гостеприимным» по отношению к слуху, чем английский. Примеры такого гостеприимства многочисленны и разнообразны. Так, слово «часы», которое в английском языке ге-

нетически связано с визуальностью (*watch* – от глаг. *watch* – наблюдать), переводится на финский как *kello*, означающее также «колокольчик» и основанное на слуховом восприятии. Финские пословицы и поговорки обладают выраженной слуховой ориентацией. Ср.: «Уважай глубокий голос опыта» или «Мудрость заключается в том, чтобы слушать корни ели, растущей у твоего дома». Носители английского языка приветствуют друг друга фразой «*Nice to see you*» (букв. «Приятно видеть вас»), в то время как в финском используется приветствие «*Mita kului*» (букв. «Что вы слышите?»). Слово *kului* соотносится также с понятием сообщества – группы, которая слышит одни и те же звуки. Быть полноправным членом сообщества для финнов – это быть в состоянии слышать: *Minä kuulin tänne* (букв. «Я слышу в этом месте», что означает «Мое место здесь»)¹. Финский язык, действительно, предстает как гораздо более «звукоцентричный» («*sonocentric*»), чем английский [Johnson, 2017, p. 10–11], что опровергает тезис о безусловной приоритетности зрения и исключительно визуальной ориентированности естественного интеллекта. Полезные в этом отношении этнографические данные приводит антрополог С. Фелд, занимавшийся изучением проблемы «слухового познания» мира племени калули в Папуа Новой Гвинеи. В тропическом лесу в условиях отсутствия или существенной ограниченности зрительно воспринимаемых сигналов калули научились распознавать время дня, время года и собственное положение в пространстве с помощью звука [Feld, 2003, p. 226–227]. Возможность обретения знания через слуховой модус восприятия позволила Фелду говорить об «акустемологии» – «познании с помощью звука» [ibid.].

Интересной представляется мысль А. Корбена о том, что идея первостепенности зрения с самого начала активно продвигалась образованными элитами в интересах этих же элит. Разработанные ими теории отражали их собственное представление о реальности, о предпочтительности и «престижности» того или иного способа ее восприятия, но не реальности как таковой во всех совокупности ее свойств [цит. по: Smith, 2007, p. 15].

В связи с этим возникает вопрос о том, кем, по какой причине, с какой целью и в чьих интересах продвигаются идеи «звукоцентризма».

¹ Любопытно отметить, что схожие метафоры существуют в неродственных финскому норвежском, шведском, голландском и немецком языках [Open Your Eyes: Deaf Studies Talking, 2008, p. 115].

Одна из основных причин растущей популярности «слуховых штудий» на западе заключается в колоссальных изменениях, произошедших в естественной акустической среде человека за последние полтора столетия и необходимости критического осмысления этих изменений. Под естественной акустической средой обычно понимается та совокупность звуков, которая окружает представителя определенного социума на протяжении его жизни. Источниками звука являются как природная среда (шелест листьев, шум ветра, рев водопада, вокализации животных и т.п.), так и продукты материальной и духовной культуры человека (транспорт, приборы и механизмы, звучащая речь, музыка и т.п.). Начиная со времен Промышленной революции, естественные звуки природы активно вытесняются из акустической среды западного человека звуками техногенными, особенно в условиях больших городов. Как написал футурист Л. Руссоло в своем манифесте «Искусство шумов» в 1913 г., в XIX в. «с изобретением машин родился шум», который сегодня «торжествует и властвует над человеческой чувственностью»¹. Этот техногенный шум сопровождает человека на протяжении всей его жизни: от едва слышимого звука работающего кондиционера и компьютера до оглушительного рева дорожного и воздушного транспорта. Как показывают многочисленные исследования, эти изменения влекут за собой существенную перестройку когнитивных процессов, связанных с распознаванием среды. Мозг настраивается на восприятие и интерпретацию определенных звуков и «экранируется» от других, которые, по-видимому, воспринимаются как менее важные или вовсе неважные для выживания в текущих средовых условиях. Уместно вспомнить в этой связи известную историю мальчика-маугли Виктора, описанную доктором Ж.-М.-Г. Итаром в 1801 г. Виктору предъявились различные звуковые стимулы: исследователь хлопал дверью, гремел ключами и производил другие привычные ему звуки. Виктор никак не реагировал на них, даже когда доктор Итар выстрелил из ружья, хотя сохранность его слуха не вызывала у врача никаких сомнений. Исследователь сделал вывод, что Виктор просто не проявляет интереса к звукам, привычным для «цивилизованного француза» [Sterne, 2003, р. 12]. Отсутствие привычки слышать определенные звуки свидетельствует о социокультурной обусловленности аудиального опыта.

¹ Л. Руссоло. «Искусство шумов». Mode of access: <http://cuntroll.ru/article2/> (Дата обращения: 10.02.2017.)

Накопление эмпирических фактов и растущее понимание роли культуры в формировании слухового опыта сыграли ключевую роль в становлении научного направления, связанного с изучением слухового восприятия.

Другим важнейшим фактором стало развитие технологий, позволяющих записывать звук. До их появления в XIX в. звук практически не оставлял следов в истории, находя отражение лишь в литературных произведениях. Зрительные же образы, напротив, активно циркулировали в культуре в виде произведений живописи и скульптуры. Изобретение фонографа в 1877 г., а затем и магнитофона в первой половине XX в. позволило «консервировать» звук, в том числе и речь. Изобретение средств звуковоспроизведения (от патефона и граммофона до современных цифровых технологий) сделало звук «портативным», а акустическое событие многократно воспроизводимым. Телефон, радио, телевидение, а в наши дни и средства интернет-связи позволяют транслировать звук в режиме реального времени на неограниченные расстояния. Перечисленные технологические инновации, наряду со множеством других, привели к тому, что звук и слух были «реконцептуализированы, объективированы, имитированы, трансформированы, воспроизведены, обращены в товар, запущены в массовое производство и индустриализованы» [Sterne, 2003, р. 2]. Как метафорически выразился Дж. Стерн, подобно тому, как три столетия назад началась эпоха Просвещения (Enlightenment), новые звуковые технологии положили начало эпохе «Озвучивания» («Ensoniment») [ibid., р. 2]. Изменение роли, функций и возможностей звука потребовали новых подходов к анализу слуха и слушания, и активно формирующееся «звуковое направление» сенсорных исследований, действительно, во многом является «продуктом материальной культуры современного мира» [Johnson, 2017, р. 8].

Наконец, становление и развитие «звуковой» парадигмы в сенсорных исследованиях связано с практическими потребностями многочисленных современных жанров культуры (кино, театр и т.д.) и культурных практик (публичные выступления, концерты, разнообразные массовые мероприятия и т.д.), неотъемлемой частью которых является звук. Звук, по мнению ряда исследователей, существенно перформативен и социально ориентирован [Aural cultures, 2004, р. 10], и звуковые исследования обязаны учитывать его социальные и культурные измерения, охватывая процессы как звукопорождения, так и звуковосприятия.

Следует признать, что такая исследовательская установка сформировалась в лингвистике задолго до ее экспликации в современных гуманитарных науках. Одним из старейших и наиболее методологически и методически проработанных отделов языко-знания является фонетика, которая занимается изучением механизмов как порождения, так и восприятия звуковой речи. Примечательно, что фонетика представляется образцом комплексного, многокомпонентного подхода, учитывавшего как физические и биологические аспекты звукопорождения и звуковосприятия, так и широкий спектр психологических, социальных, культурных и других факторов, включая индивидуальную вариативность.

Звук, однако, оказывается релевантным объектом исследования и для многих других языковедческих дисциплин и направлений, в частности, тех, которые занимаются проблемами номинации предметов и явлений.

Одно из направлений связано с выявлением и анализом слов – дескрипторов звука. В работе Л.В. Лаенко, например, рассматриваются прилагательные, в семантике которых «репрезентированы слуховые образы звучащих тел» [Лаенко, 2005, с. 32]. Автор указывает на малочисленность таких единиц в русском и английском языках и рассматривает прилагательные, описывающие лишь одно «качество» звука – громкость, отмечая, что именно оно «первоственно различимо для уха человека» [там же, с. 33]. Лаенко анализирует семантику прилагательных *loud – quiet, громкий – тихий*; рассматривает метафорический потенциал данных прилагательных и описывает их лингвокультурную специфику. Так, для русского *громкий* характерно метафорическое употребление в значении «известный» (*громкое имя, громкое дело*), в то время как для его английского соответствия *loud* типичными метафоризацией являются «навязчивый» (о человеке или идее), «понятный, ясный» (о сообщении), «кричащий, вульгарный, дерзкий» (об одежде) [там же, с. 32].

Гораздо более широкий подход представлен в работе В.К. Харченко [Харченко, 2012]. Автор рассматривает «открытые ряды ведущих номинаций слуха» [там же, с. 33], включая существительные (*звук, звучание, голос, шелест*), прилагательные (*громкий, звучный, протяжный, склоняющийся*), глаголы (*слушать, слышать, звучать, дребезжать*), наречия (*громко, тихо, бесшумно*), междометия и звукоподражательные слова (*Чу!, ку-ка-ре-ку*) и фразеологизмы (*кричать во всю Ивановскую, уши вянут, труба иерихонская, держать ушки на макушке*).

Следует отметить, что изучение звукоподражаний (ономатопий) представляет собой достаточно популярное и весьма продуктивное направление лингвистических исследований. При таком исследовании может вычленяться один компонент акустической среды и производиться описание всех возможных способов его вербальной презентации. В этом русле, например, выполнено масштабное исследование словесного обозначения звуков, производимых животными, в разных языках и процессов их метафоризации [Глаголы звуков животных: Типология метафор, 2015]¹. Как известно, звукоподражания типа *кар*, *гав*, *хрюкать*, *мяукать* или *жужжать* в изобилии представлены во многих языках мира. Однако при кажущейся естественности, «иконичности» таких наименований, они зачастую оказываются не менее условными, чем любые другие номинации (ср. рус. *гав-гав*, греч. *rav-rav*, португ. *ham-ham*, рум. *ao-ao*). Как справедливо отмечает С. Пинкер, «звукоподражательными словами управляет скорее фонологическая модель языка, нежели акустические характеристики выходного сигнала» [Пинкер, 2013, с. 360]. Выявление таких соответствий, установление типологических сходств и описание расхождений представляют собой интересную и занимательную исследовательскую задачу.

В схожем ключе выполняются исследования способов словесного обозначения акустических особенностей человеческой речи. В работе С. Пинкера, например, приводится список из 67 английских глаголов, обозначающих манеру говорения, различающихся между собой такими признаками, как громкость (*shout*, *bawl*, *whisper*), скорость речи (*gabble*, *drawl*), плавность (*stutter*, *stammer*), мелодичность (*croak*, *hiss*), внятность (*gibber*, *mutter*), соответствие артикуляционной норме (*lisp*) и др. [там же, с. 82].

Наряду с существенными различиями в звучании звукоподражательных слов, отмечается еще один важный аспект их лингвокультурной специфики – степень приемлемости употреблений некоторых типов ономатопей. Так, по оценкам некоторых исследователей, в английском языке единицы типа *bow-wow*, *ding-dong*, *tick-tock*, *yabadabadoo* обладают выраженным налетом «детскости», что ограничивает их употребление в речи. В японском же языке, напротив, слова такого типа широко и без ограничений употребляются в речи. Сильный дождь, например, обозначается словом *jaajaa*, более умеренный – *zaazaa*, слабый – *shitoshi*;

¹ См. также электронный корпус «Звуки му». – Режим доступа: <http://web-corpora.net/zvukimu/> (Дата обращения: 14.02.2017.)

дождь, стекающий с крыши – *potapota*, ударяющий о землю – *pichapicha*; дети, играющие под дождем – *pachapacha* [Yamada, 1997, p. 68].

Не теряют актуальности и фоносемантические исследования, заключающиеся в попытке установить соответствия между звучанием слова и его значением (см., например: [Михалев, 1995].

По мнению ряда исследователей, слабым звеном лингвистики звука и слуховых ощущений является исследование концептуальных метафор, базирующихся на аудиальном опыте [Open your eyes., 2008]. Действительно, в фундаментальном труде Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Философия во плоти» [Lakoff, Johnson, 1999] этот тип метафор остается практически нерассмотренным, в отличие от метафор визуальных. Тем не менее они заслуживают внимания, в том числе и как средство концептуализации ментальных процессов.

И. Свистер указывает на то, что слуховое восприятие связано с коммуникативными аспектами понимания, а не с познанием в целом. Она объясняет это тем, что локализовать звук сложнее, чем зрительно сфокусироваться на объекте. Слуховое восприятие является главным способом понимания языка. Звук представляется также главным средством оказания интеллектуального и эмоционального влияния на людей. Поэтому глаголы соответствующей группы часто используются в значении «быть восприимчивым к чему-то», «обращать внимание», «повиноваться». Примерами такого употребления являются фразы типа *I hear you, You're coming in loud and clear*, которые означают, что информация принята к сведению и отчетливо противостоят гораздо более «активному» *I see what you mean* [Sweetser, 1990, p. 42]. Глаголы «слушания» могут использоваться и в значении «располагать информацией», причем источником этой информации является третье лицо: *Я слышал, он женился*. Примечательно, что английский аналог этого предложения содержит глагол «слушать» в настоящем времени, и семантика «актуального знания» презентируется в нем гораздо более отчетливо: *I hear he has got married*.

Когнитивное измерение слухового восприятия требует дополнительного исследования, в том числе и средствами лингвистики. Как остроумно заметил У. Мюллер более 150 лет назад, «вы можете извлечь звук из человека, но вы можете извлечь человека из звука только в своем воображении» [Sterne, 2003, p. 11].

2.3. Осязание

Как метафорично заметила К. Классен, осязание «редко улавливается академическими радарами» [The book of touch, 2005, р. 2]. Складывается впечатление, пишет она, что нас так часто в жизни предупреждали «не трогай!», что теперь мы не желаем прикасаться к тактильным мирам даже мысленно [Classen, 2012, р. xi]. Основную причину исследовательница видит в том, что в западной культуре тактильность традиционно воспринимается как антитеза интеллекта. Эта антитеза закреплена социально в классовом противопоставлении «людей, работающих руками» и «людей, работающих головой» [ibid., р. 5]. Дополнительным препятствием на пути серьезного научного исследования осязательности является ее растущая сексуализация в западной культуре. Сегодня, как пишет Й.-Ф. Туан, практически любое прикосновение наделяется либидинальными смыслами, и то, что раньше было простым касанием, становится абсолютным социальным табу [Tuan, 2005, р. 75]. Культурно санкционируются лишь некоторые «тактильные практики» [Classen, 2012, р. xiii], такие как рукопожатие (при встрече, знакомстве, заключении контракта или пари), ритуальные поцелуи, объятия и т.п.

Дискредитация осязательности в современной западной культуре способствует дальнейшему укоренению давнего представления о ней как о «низшем ощущении», связанном с иррациональностью, животным началом, низменными телесными удовольствиями, примитивизмом и варварством. Такой «интеллигентский развод» (*«intellectualist divorce»*) между «абстрактными» ощущениями зрения и слуха и самым «чувственным» ощущением – осязанием [Bourdieu, 2000, р. 22] противоречит природе последнего и той роли, которую оно играет в жизни человека.

Как известно, осязание появляется у человека гораздо раньше всех остальных типов ощущений, еще на этапе эмбрионального развития. Оно является первичным модусом восприятия, вслед за которым развивается слуховое и лишь потом – зрительное. Именно с помощью осязания младенец познает границы своего тела, получает первые ощущения удовольствия и неудовольствия, формирует экспериенциальные связи между тактильными ощущениями и эмоциональными состояниями, которые сохраняются у него на протяжении всей жизни [Benthien, 2002, р. 7]. Эти связи хорошо известны специалистам в области когнитивной лингвистики, где подробно описаны концептуальные метафоры типа AFFECTION

IS WARMTH (ПРИВЯЗАННОСТЬ – ЭТО ТЕПЛО), обнаруживаемые во множестве лингвокультур [Kövecses, 2000, p. 93].

Н.М. Бахтин отмечал, что осязательность является наиболее телесным из всех видов ощущений и позволяет постигать бытие как таковое. Он пишет об особой «мудрости осязания», отдавая ему приоритет перед зрением и слухом. Зрение и слух «требуют некоторой удаленности от воспринимаемого предмета» и подчеркивают нашу «отрешенность, оторванность, внеположность» окружающему миру. Лишь осязание способно «реально приобщить нас к вещам», поскольку оно сохранило «свою девственную цельность и чистоту». Зрение и слух – это «неосуществленная возможность», это «нечто предварительное», «возможный подступ к овладению предметом». Осязание же есть «самое древнее, самое верное, самое земное из наших чувств», позволяющее нам в полной мере познать предмет [Бахтин, 1995, с. 36].

Примечательно, что мысль о «надежности» осязания как инструмента познания реальности высказывалась еще Э.Б. де Кондильяком, который считал, что только с помощью тактильных ощущений мы можем производить точную оценку объектов окружающего мира, и только тактильные ощущения поставляют нам информацию, обладающую истинностью для всех [Кондильяк, 1982, с. 237–333]¹. Важность осязания как инструмента познания и верификации иллюстрируется знаменитым евангельским сюжетом о Фоме Неверующем, которому потребовалось *прикоснуться* к ранам Христа, чтобы уверовать в его воскресение². Надежность осязания заключается и в невозможности того, что М.Н. Эпштейн назвал «отчуждающим пользованием»: можно осуществить зрительное или слуховое «насилие» над объектом в виде подсматривания или подслушивания, т.е. «неведомого для него наблюдения». Однако невозможно осуществить «подосязание», поскольку «осязать что-либо можно лишь будучи самому осязаемым, прикасаться – только в ответ на такое же прикосновение» [Эпштейн, 2006, с. 25].

¹ Ценны и наблюдения Д. Дидро, на которые ссылается Кондильяк: «из всех чувств: зрение – самое поверхностное, слух – самое горделивое, обоняние – самое сладострастное, вкус – самое суеверное и непостоянное, осязание – самое глубокое и философское» [Кондильяк, 1982, с. 270].

² «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20:25).

Первичность осязания К. Классен видит и в том, что все ощущения имеют «тактильное измерение», и даже зрение связано с физически, тактильно ощущаемым движением глаз [Classen, 2012, p. xiv]. Несомненно тактилен вкус, поскольку для полноценного восприятия всего спектра вкусовых ощущений важно почувствовать текстуру, плотность, температуру и другие «осознательные» свойства поглощаемой еды.

Первичность осязания можно усмотреть и в том, что в отличие от зрения и слуха, оно никогда не подвергалось чрезмерной интеллектуализации, неизменно воспринимаясь как восчувствованный телесный опыт именно физического порядка. Показателен в этом отношении английский глагол *to feel*, обозначающий тактильное восприятие, который даже в переносном своем значении относится к смутному, размытому, слабо отрефлексированному внутреннему чувству не столько интеллектуального, сколько эмоционального свойства: *I feel that something is going to happen* (Я чувствую, что что-то должно произойти = У меня есть предчувствие, и я обеспокоен) [Нагорная, 2015, с. 167]. Этот же глагол используется в ситуациях, когда человек затрудняется с выбором точного слова для описания получаемого им опыта собственно телесного, эмоционального или ментального порядка, в составе оборота *It feels like / as if / as though...*

Для лингвосенсорики первостепенную важность имеет вопрос о терминологическом словаре осязательности. При определении спектра осязательной лексики обычно учитываются данные физиологии и психологии. Так, релевантными являются понятия активного и пассивного осязания. Активное осязание осуществляется при целенаправленном движении руки по поверхности предмета¹. Касаясь предмета, ощупывая его, перцептор получает представление о его форме, свойствах поверхности, температуре, упругости и т.д. Важно учесть при этом, что рецепторы, обеспечивающие тактильное восприятие, рассредоточены по всему телу, и в этом смысле вся поверхность человеческой кожи является инструментом осязательного взаимодействия с миром, однако для активного осязания используются преимущественно рука, язык и ступня. Пассивное осязание – это восприятие объекта, воздействующего на покоящуюся руку. В пассивном осязании субъект фактически

¹ Заметим, что некоторые исследователи придерживаются четкого разграничения между «осознательным» как воспринимаемым всей кожей и «тактильным» как воспринимаемым пальцами руки (см., например: [Лаенко, 2005, с. 21]).

выступает объектом внешнего воздействия. Анализ фактов языка показывает, что это противопоставление зафиксировано в обыденном, «наивном» сознании и отражено как в лексике, так и в грамматике. В первом случае обнаруживаются ряды противопоставлений типа *ощущать* vs *щупать* / *ощупывать*, *трогать*, *касаться*. Во втором случае могут наблюдаться ограничения на использование некоторых грамматических форм. Так, английский глагол *feel*, который может обозначать как «ощущать», так и «щупать», используется в длительных формах (Continuous) лишь в ситуациях активного осязания (*She is feeling the velvet* – *Она щупает бархат*, но *The velvet feels soft* – *Бархат мягкий на ощупь*, букв. «ощущается мягким»).

Для составления списка осязательной лексики важны и современные представления о количестве и функциональной специализации рецепторов, расположенных в коже. Наличие в ней термо-, механо- и ноцирекцепторов позволяет отнести к осязательному словарю лексические единицы, обозначающие температурные ощущения (*теплый*, *холодный*, *warm*, *cold* и т.п.), ощущения, связанные с надавливанием (*мягкий*, *твёрдый*, *soft*, *hard* и т.п.), ощущения, связанные с фактурой объекта (*гладкий*, *шероховатый*, *острый*, *липкий*, *клейкий*, *smooth*, *rough*, *sharp*, *sticky* и т.п.), ощущения, связанные с наличием или отсутствием влаги на поверхности объекта (*сухой*, *влажный*, *мокрый*, *dry*, *damp*, *wet* и т.п.), ощущения, воспринимаемые как боль (*режущий*, *обжигающий*, *piercing*, *stabbing* и т.п.). Заметим, что вопрос о лингвокультурной специфике подобного рода рядов лексики остается непроработанным в современной лингвистике, имплицитно исходящей из представления об универсальности этого базового телесно-перцептивного опыта.

Гораздо более освоенной является область осязательной метафорики.

Существует мнение, что тактильность относится к самым примитивным формам коммуникации, и прикосновение имеет лишь ограниченный коммуникативный потенциал [Noth, 1995, р. 407]. Здесь следует сделать по крайней мере две существенных оговорки. Во-первых, это наблюдение валидно в отношении только культур западного типа. А во-вторых, ограниченность коммуникативного потенциала наблюдается лишь в сфере физического опыта, в опыте же дискурсивном, речевом, коммуникативный потенциал тактильности оказывается практически неограниченным.

Многие языки насквозь пронизаны тактильностью, обнаруживаемой даже в сферах, считающихся недостижимыми для нее.

На тактильности основывается значение многих слов, обозначающих мыслительные процессы и операции. Так, английское *comprehend* (понимать) происходит от лат. *com* – «вместе» и *prehendere* – «хватать»; *conceive* (понять, представить себе) – от лат. *concipere* – принять в себя и удержать; *ponder* (обдумывать, размышлять) – от лат. *ponderare* – «взвешивать», *ruminate* (раздумывать) – от лат. *ruminare* – жевать жвачку; *mull* (обдумывать) – от средне-англ. *mullyn* – растирать в порошок, перемалывать. Человеческое свойство «умный» описывается лексемой *clever*, произошедшей от диалектного *cliver* – «ловко хватающий». Умного человека можно также описать как *smart* (слово, этимологически связанное с понятием «острый») и *sharp* (собственно «острый»). Примечательно, что визуальная метафорика для обозначения умственных способностей (*bright*, *brilliant* – «блестящий») получила распространение лишь в эпоху Просвещения, в то время как метафорика тактильная появилась значительно раньше, в XIII–XIV вв. Мыслительные процессы могут описываться как перемалывание, пережевывание, взвешивание, перетирание, нащупывание, схватывание проблемы (*grinding*, *chewing*, *weighing*, *grasping*, etc. *an issue*). Исследователи высказывают мнение, что замена этой тактильной метафорики на визуальную (вместо *grasp an issue* «ухватить проблему» – *shed light on an issue* «пролить свет на проблему», вместо *take a stand* букв. «взять позицию» – *have a point of view* «иметь точку зрения» и т.п.) лишает человека возможности непосредственного, активного участия в исследовании проблемы или ее решении и поощряет его лишь к отстраненному созерцанию. Визуальные метафоры, по мнению К. Классен, не просто дистанцируют размышляющего человека от объекта его анализа, а «маскируют» напряжение, возникающее в ходе этого процесса. Знание предстает как готовое, очевидное; все, что остается сделать человеку – это просто посмотреть [Classen, 1993, p. 58]¹.

Осязание служит также основой для осмыслиения многих форм и типов человеческих взаимоотношений, в том числе и тех, которые не предполагают непосредственного физического контакта: *staying in touch* (поддерживать контакт, букв. «оставаться в контакции»), *being in touch* (поддерживать контакт), *being out of touch* (быть недоступным, недосягаемым).

¹ Следует заметить, однако, что визуальные метафоры представляют исключительное знание как принципиально достижимое, в то время как тактильным метафорам это не свойственно.

Отмеченная выше связь тактильности со сферой эмоций позволяет использовать язык осязания для обозначения как характера человека (*a touchy person* – обидчивый человек, человек, которого «легко задеть», *an abrasive personality* – грубый человек, букв. «обдирающий», *prickly person* – колючий человек), так и оказываемого на него эмоционального влияния (*His comments really touched me* – Его комментарии задели меня, *He got under my skin* – Он огорчил меня, букв. «залез под кожу»), а также испытываемого им эмоционального состояния (*He was touched by her attention* – Он был тронут ее вниманием).

Осязательность обладает также значительным метафорическим потенциалом для кросс-модальной номинации. Так, в работе Л.В. Лаенко рассматривается использование осязательной лексики для обозначения других сенсорных феноменов: звуковых (мягкий тон, грубый голос, тупой стук, *soft voice*, *smooth voice*, *dull thud* и др.), зрительных (мягкий свет, мягкие линии, теплые цвета, *soft light*, *warm colors* и др.), вкусовых (острая закуска, *hot curry*, *hard cheese*, *coarse taste*, *smooth wine* и др.) [Лаенко, 2005, с. 23].

Феномен осязания представляется не только актуальной, но и чрезвычайно перспективной исследовательской проблемой. Важность его дальнейшего изучения диктуется потребностями, задачами и реалиями нашего времени. С одной стороны, это утоление «постмодернистского осязательного голода» [The book of touch, 2005, p. 2], потребность в восстановлении естественного телесного контакта с окружающим миром «тактильном вознаграждении» [ibid., p. 2] от взаимодействия с ним. Не случайно столь активно развивается направление, именуемое «сенсорным музей-ведением», суть которого заключается в создании особой музейной среды, воздействующей на сенсориум своего посетителя и позволяющей добиться его вчувствования, воздействования в музейную экспозицию. Неуклонно растет интерес к образовательной методике М. Монтессори, в значительной степени основывающейся на получении и обработке тактильной информации. Развиваются технологии типа 5 D, где просмотр видеофильма сопровождается специфическими «осознательными эффектами» (например, ощущение ветра или дождя на коже). Разрабатываются технологии, позволяющие ощутить фактуру объектов в условиях интернет-коммуникации, что принципиально важно для деятельности интернет-магазинов. Продолжают совершенствоваться «осознательные технологии» в сфере компьютерных игр и виртуальной реальности, а также современной телефонии. В этих условиях раз-

работка осязательной проблематики в лингвистике приобретает значительную практическую ценность, поскольку исчисление осязательных ощущений и их специфическое кодирование для нужд современных технологий неразрывно связано с их обозначением в естественном языке.

2.4. Обоняние

В современных гуманитарных науках обоняние часто называют «скрытым ощущением» [Köster, 2002, p. 31]. Эта скрытость проявляется себя многообразно.

Во-первых, обонятельные процессы крайне плохо рефлексируются аналитически, и в литературе продолжается полемика относительно того, способен ли ольфакторный опыт оформляться в полноценные ментальные презентации. Общепризнанной является способность обоняния пробуждать яркие, многокомпонентные, субъективно значимые ассоциации. Как пишет Дж. Дробник, «запахи – это непревзойденные катализаторы воспоминаний о давно минувших событиях и отдаленных местах» [Drobnick, 2006, р. 1]¹. Эта способность связана с тем, что запахи, значительная часть которых воспринимается на сублиминальном уровне, имеют выраженное «аффективное измерение» [Holley, 2002, p. 16], воздействуя на нашу эмоциональную сферу. Запахи влияют на наше настроение, работоспособность, восприятие объектов окружающей среды (в том числе, и людей) и среды в целом, а также множество других аспектов нашей жизнедеятельности.

Во-вторых, обоняние по большей части «скрыто» от публичного обсуждения. Современный западный человек живет в «дезодорированном», тщательно очищенном от неприятных запахов мире и сам должен соответствовать его новым гигиеническим требованиям. Естественный запах тела признается неприличным и недопустимым, запахи его отправлений относятся к разряду культурных табу, а использование искусственных ароматов тщательно регламентируется, что позволяет некоторым исследователям говорить об «одорфобии» (страхе запахов) современного западного человека [Drobnick, 2006, р. 5].

¹ Интересным представляется наблюдение Э.П. Кёстера о том, что «ольфакторная память является эпизодической и несемантической по своей природе» [Köster, 2002, p. 33].

В-третьих, обоняние оказывается «скрытым» от серьезных научных исследований. Отчасти это объясняется феноменологическими свойствами запаха. «Летучее царство запахов», как метко замечает П. Зюскинд, «не оставляет следов в истории» (П. Зюскинд. Парфюмер. История одного убийцы), не предоставляем ученому объективного материала исследования.

Не менее серьезным фактором является предубеждение в отношении осознания, издревле сложившееся в западной культуре¹. Начиная с сочинений древнегреческих философов и заканчивая трудами ученых современности, запах неизменно описывается как низшее из чувств, связанное с грубым животным началом, как нечто «примитивное, инстинктивное, вызывающее похоть, эротическое, эгоистичное, неуместное, асоциальное, властное, навязчивое» [LeGuérer. Цит по: Olfaction, taste, andcognition, 2002, p. 3]. Пренебрежительному отношению к запаху способствует и его интерпретация какrudиментарного ощущения, доставшегося нам в наследство от далеких предков и не имеющего для человека практической ценности, развивающаяся, в том числе, в трудах Ч. Дарвина. Запах не признается полноценным инструментом познания, способным предоставить нам ценную информацию об окружающем мире, которая позволила бы рационально действовать в нем. Подчеркнем, что это представление, глубоко укорененное в западной ментальности, отнюдь не разделяется всеми членами человеческого сообщества. Исследования культуры онге (Малый Андаман) показали, например, что осознание является в ней главным каналом восприятия действительности и средством осмыслиения времени, пространства, человека и человеческих взаимоотношений [Pandya, 1987, p. 11–112, 312]. Не отрицали роль обоняния как инструмента познания и средневековые европейские медики, последователи Гиппократа, которые учились определять соматическую патологию по характерному запаху, исходящему от пациента или его выделений. Ценность обоняния как способа познания признается и наивным сознанием современного западного человека, что находит отражение в таких словоупотреблениях, как *почуять неладное, ситуация с душком, запахло жареным, to smell a rat, something about this deal really smells, I could smell trouble, I smell an opportunity here* и др. Оговоримся, однако, что речь идет не об обретении хорошо структурированного, рационального знания, а об интуи-

¹ По словам Франсуазы Долто, «Культура – это речь, а никак не запах». [Цит. по: Olfaction, Taste, andCognition, 2002, p. 9.]

тивно воспринимаемой сути вещей как представляющих опасность, грозящих нежелательными последствиями либо обещающих новые возможности. Такое употребление неразрывно связано с аффективной составляющей запаха. По мнению некоторых исследователей, «запаховый след» сохраняется и в некоторых современных словах, обозначающих интеллектуальные способности. Ср. англ. *sagacious* – «прозорливый» и *sage* – «мудрец» от лат. *sagacem* – иметь развитое чувство обоняния [Classen, 1993].

И наконец, «скрытость» обоняния проявляется в его слабой представленности в языке. В общеупотребительном языке имеются наименования для типов запахов, оцениваемых по аффективно заряженной шкале от «приятного» до «неприятного» (*благоухание, аромат, амбрे, запашок, душок, вонь, fragrance, aroma, smell, odor, stench* и т.п.). Специфические сенсорные качества запаха, улавливаемые «рядовым» человеческим носом, остаются практически полностью невербализованными. Существуют такие единицы «запахового» словаря, как *затхлый* и *гнилостный*, а также тяготеющее к ольфакторике *свежий*, однако, как показывают исследования, эти абстрактные наименования связаны с разными типами обонятельного опыта для разных людей (см., например: [Howes, 2002]. Проблема, описанная еще Платоном, заключается в невозможности «ольфакторного абстрагирования»: запах, в отличие от цвета или звука, не воспринимается как самостоятельная сущность, в отрыве от своего носителя [Holley, MacLeod, 1977, р. 729]. Невыразимость запаха на абстрактном уровне, его принципиальная неотчуждаемость от источника вынуждает человека прибегать к «запаховой референции», устанавливая типичные для каждого запаха предметные соответствия. В русском языке типичным для запахового словаря является родительный качества: *запах свежего молока / свежескошенной травы / розы / дождя / опилок* и т.п. Аналогичная стратегия используется и в английском языке: *the smell of fresh paint / earth / oranges / rotten meat, etc.* Такой подход к номинации, как было показано выше, используется и для других сенсорных модальностей. В случае запаха имеется одна серьезная проблема. Исследования физиологов доказывают, что при восприятии запаха наблюдается значительная индивидуальная вариативность в отношении как его качественных свойств, так и других параметров, например интенсивности и «гедонистической валентности» [Holley, 2002, р. 18]. В связи с этим весьма проблематичным представляется поиск сенсорных эталонов, которые обеспечили бы коммуникации ольфакторного опыта надежность,

ясность, однозначность и верифицируемость. Данная проблема хорошо знакома парфюмерам, которые в силу своей профессии вынуждены прибегать к словесным описаниям запахов для обмена опытом. По свидетельствам специалистов, требуются продолжительные «языковые переговоры» среди различных групп экспертов для того, чтобы достичь консенсуса в отношении правильного и общепонятного сенсорного эталона запаха и словесного наименования последнего [Holley, 2002, р. 19].

В настоящий момент можно прогнозировать рост научного интереса к ольфакторике, обусловленный несколькими причинами. Первая из них заключается в необходимости комплексного изучения сенсориума, что связано с отказом от старых исследовательских установок и стереотипов, особенно в части приоритетности одних сенсорных модусов перед другими. Во-вторых, начиная с 80-х годов XX в. неуклонно растет количество теоретических и эмпирических исследований запаха. Поворотным моментом в ольфакторике многие называют выход в свет работы А. Корбена «Зловонное и благоухающее» в 1982 г., в которой он показал влияние, оказанное запахом на крупные общественные, политические и культурные события в жизни Франции в XVIII–XIX вв. Кроме того, сформировался общественный заказ на изучение ольфакторики в связи с потребностями в «оживлении чрезмерно дезинфицированной среды и получении более богатого и сложного сенсорного опыта» [Drobnick, 2006, р. 2]. Не случайно в современном обществе наблюдается активное развитие технологий и услуг, позволяющих приобретать и обогащать ольфакторный опыт: ароматизированные поваренные книги, кислородные бары, пробники косметической продукции, вклеиваемые в журналы, ароматерапия, спа-процедуры, новые игровые технологии, предоставляющие возможность максимального воздействования в среду, не говоря уже о бурно развивающейся парфюмерной промышленности. Перечисленные обстоятельства, наряду с множеством других, способствуют пересмотру отношения к запаху и формируют более благоприятный интеллектуальный климат для его непредвзятого и всестороннего изучения.

2.5. Вкус

Вкус, наряду с осознанием и обонянием, традиционно относят к разряду «низших ощущений». Одна из основных причин столь

низкого ранга вкуса в иерархии сенсибилий заключается в его непосредственной связи с утолением голода и жажды – базовых физиологических потребностей человека, ставящих его в один ряд с животными. Удовлетворение этих потребностей жестко регламентируется во многих культурах. Злоупотребления, связанные как с поглощением большего, чем необходимо для насыщения, объема пищи, так и со стремлением к получению удовольствия от еды, часто порицаются, а в христианстве признаются одним из семи смертных грехов (грех чревоугодия).

«Низменность» вкуса видится многим классическим философам и в том, что это ощущение возникает лишь в условиях непосредственного контакта с воспринимаемым предметом и не предоставляет перцептору возможности дистанцироваться от него. По словам К. Корсмейер, «вкус требует, пожалуй, самой интимной встречи с объектом восприятия» [Korsmeyer, 1999, р. 3]. Эта «интимная встреча», как отмечается во многих исследованиях, часто происходит при участии двух других «низших» ощущений – осязания (во рту ощущается температура и фактура обладающего вкусом объекта) и обоняния (перцептор воспринимает специфический запах помещенного в рот объекта). Напомним, что Аристотель считал вкус одной из форм осязания, первоначально отказывая ему в статусе самостоятельного ощущения. Отметим также, что в английском языке, наряду со словом *taste* «вкус», существует также *flavor*, которое обозначает более комплексное понятие, включающее в себя собственно вкусовые, а также обонятельные ощущения, возникающие при дегустации пищи.

Естественная связь вкуса с удовлетворением потребности в пище и напитках способствовала тому, что этот вид ощущений интересовал преимущественно гастрономию, на протяжении длительного времени не привлекая внимания ученых-гуманитариев. Как пишет В. фон Хоффманн, «ощущение вкуса кажется слишком субъективным, чтобы допускать обобщения; оно настолько мгновенно, что предшествует мысли и языку; оно может показаться тривиальным до такой степени, что мы посчитаем столь незначительный предмет не заслуживающим нашего интереса. Воспринимаемое как одна из форм животного инстинкта, ощущение вкуса глубоко непередаваемо, аффективно, абсолютно интимно и индивидуально» [Hoffmann, 2016, р. 14].

Перечисленные Хоффманн качества можно в равной степени отнести и к обонянию. Наибольший интерес для лингвиста представляет аффективность вкуса – качество, которое способствует

осмыслению и вербализации вкусовых ощущений в терминах «хороший / плохой», « приятный / неприятный». Однако в отличие от обоняния, вкус имеет свой собственный словарь *qualia*. Общепризнанными являются четыре вкусовых качества: *сладкий, горький, соленый и кислый*. В последние годы все чаще предлагается включить в номенклатуру вкусовых прилагательных *умами* (от японского 旨味 букв. « приятный вкус»), а также *металлический*. Наряду с этими базовыми прилагательными, которые обозначают ощущения, соотносящиеся со специфическими вкусовыми рецепторами, в лингвистической литературе описываются также такие единицы, как *терпкий, острый, вяжущий, пряный, пресный* и др. [Харченко, 2012, с. 47]. Их статус требует уточнения, поскольку некоторые из них явно метафоричны (*острый* или *вяжущий*, например), другие являются производными от названия веществ, вызывающих то или иное ощущение (*пряный* от « пряность»), а третьи представляют собой отрицательно определяемое свойство и, следовательно, вторичны (*пресный* – несоленый). В лингвосенсорике целесообразно построение лексико-семантического поля «вкус» с целью максимально полного изучения того, как феномен вкусового восприятия представлен в языке. В.К. Харченко выделяет в его составе такие единицы, как *привкус, сладость, острота, пряность, вкусить, попробовать, протомить, провялить, кисло, безвкусно, аппетитно, несолено хлебавши, за семь верст киселя хлебать, хлеб да соль* и др. [там же, с. 47]. Здесь вновь встает вопрос о естественной связи вкусовых ощущений с опытом приготовления и приема пищи, а следовательно, – о границах собственно «вкусовой» лексики.

В отличие от обоняния, вкус оказывается высоко востребованным эксперienциальным доменом при метафоризации. Самое частотное метафорическое употребление самого слова «вкус» в западной культуре соотносится со сферой эстетического. Под «вкусом» понимается способность выносить суждение о соответствии того или иного предмета, стиля, практики и т.д. сформированным в обществе представлениям о прекрасном. Начало такому метафорическому употреблению было положено в 70-х годах XVII в.; в XVIII в. слово *taste* укоренилось в английском языке в этом новом значении благодаря влиянию А. Поупа и Д. Юма. В современных работах часто цитируется статья Вольтера 1778 г., написанная им для «Энциклопедии»: «это чувство; этот дар распознавать особенности различной пищи и породил во всех известных языках метафору, выражющую с помощью слова “вкус” чувство различия прекрасного и недостатков во всех видах искусства»

[Вольтер, 1974, с. 267–268]. Исследователи называют две основные причины, побудившие осмыслять и описывать эстетические категории через низшее из ощущений: 1) вкус является главным источником удовольствия, «самым универсальным и инстинктивным» [Vercelloni, 2016, р. 11]; 2) вкусовое ощущение возникает спонтанно, не требует осмысления и противостоит рациональному, тем самым являясь идеальным средством «выражения антидогматической сущности» предмета [ibid., р. 11]. Кроме того, по мнению Д. Хауза, такое метафорическое употребление согласовывалось со становлением и укреплением индивидуалистических тенденций в западной культуре, нарождающимся культом чувственности и установками на эмпиризм, подрывающими платоновское представление о прекрасном цит по: [Vercelloni, 2016, р. viii]. Понятие красоты стало вопросом восприятия, а не объективным свойством предмета.

Субъективный характер «вкусового опыта» как в сфере гастрономии, так и в сфере эстетики, заставляет нас обратиться к известной пословице «О вкусах не спорят» (*«De gustibus non est disputandum»*). Она возникла в Средние века в контексте широко популяризированной и активно практикуемой гуморальной теории, основывающейся на идее четырех типов жидкостей или «соков» организма (кровь, слизь, желтая желчь, черная желчь). Баланс этих жидкостей сугубо индивидуален у каждого человека и определяет его темперамент. В соответствии со средневековыми диетическими нормами, задачей повара был такой подбор ингредиентов и их свойств, который отвечал бы физиологическим потребностям конкретного человека. Поскольку эти потребности предопределены космологически, они не подлежат никакому обсуждению, и индивидуальные «вкусы» буквально «неоспоримы» (см., например: [Hoffmann, 2016, р. 16]). В наши дни историко-культурный контекст высказывания оказался утраченным, и само оно приобрело характер этического императива, запрета на навязывание собственных субъективных предпочтений: как эстетических, так и гастрономических.

Заметим, что гастрономическое и эстетическое измерения вкуса, прочно переплетаясь, все же не образуют единства, дифференцируясь на языковом уровне. Ср.: *вкусный / tasty* – о еде, но *со вкусом / tasteful* – об эстетических достоинствах объекта.

Наличие у вкуса аффективного измерения делает этот эксперименциальный домен продуктивным средством осмысления и вербализации различных эмоциональных состояний. Так, одна из общеизвестных базовых эмоций – отвращение – называется в

английском языке словом *disgust*, исторически восходящим к понятию «несварение» (*dis-gust*). Тот же корень используется для обозначения базовой эмоции удовольствия – *gusto* (*to do sth with gusto*;ср. рус. «со смаком»). С этой же эмоцией соотносится вкусовое качество «сладкий» (*sweet*): *сладкие мечты / воспоминания, sweet dreams / memories*. Вкусовое качество «горький» соотносится с базовыми эмоциями гнева и печали: *горечь поражения, горькие слезы, a bitter blow / dispute / critic*. К разряду «горьких» эмоциональных состояний относятся также отчаяние, тоска, обида, ревность, чувство вины и т.д. (ср.: *the bitter taste of anger and guilt*); «сладкими» являются любовь, половое возбуждение, чувство облегчения и удовлетворения и др. (ср.: *the sweet taste of love*). «Кислый» коррелирует с понятиями «неприятный», «недружелюбный», «угрюмый», «пребывающий в плохом настроении»: *кислая мина, a sour look, sour times*. «Соленый» же метафорически соотносится с идеей смешного и связанного с употреблением обсценной лексики либо обыгрыванием темы секса: *соленое словцо, a salty joke*.

По наблюдениям К. Корсмейер, мы склонны наделять вкус, как и процесс поедания пищи, смыслом, семантически нагружать его, в результате чего вкусовое восприятие приобретает «когнитивное измерение» [Korsmeyer, 1999, р. 1]. В Средние века вкус часто описывался как основное средство познания мира. В настоящее время вкус значительно уступает зрению и слуху в способности выражать эпистемические смыслы, однако он оказывается востребованным как средство осмысления переживаемого опыта, связанного с внутренним миром человека. Ср.: *After 16 years in prison, it was their first taste of freedom; Enjoy a taste of Italy with writer Valentina Harris*. Непосредственность этого ощущения, его «мгновенность» позволяют использовать вкус как метафору кратковременного, нового и остро ощущаемого опыта: *It is 13 years since they last tasted victory* (ср.: ощутить вкус победы).

Заметим, что связанная со вкусом гастрономическая сфера является более гостеприимной по отношению к эпистемической метафоре. В литературе часто приводится пример метафоры IDEAS ARE FOOD, иллюстрируемой такими употреблениями, как *His idea was half-baked; Let me chew on that for a while; They swallowed whatever garbage he gave them; The teacher spoon-fed them the information; They gobbled up the ideas* и т.д. З. Кёвечеш приводит следующий список проекций в рамках данной метафоры: приготовление еды – это обдумывание; проглатывание – это

принятие; пережевывание – это размышление; переваривание – это понимание; насыщение – это ментальное благополучие [Kövesces, 2010, p. 83].

Вероятно, в ближайшие годы феномен вкуса будет активно изучаться в гуманитарных науках в связи с наблюдаемой в настоящий момент эволюцией вкуса и гастрономии в западной культуре. Последнее весьма точно описано Л. Верчеллони: «вы больше не то, что вы едите; вы едите то, чем вы хотите стать. Выбор еды в настоящее время определяется не культурной традицией и семейной привычкой, а желанием самоутвердиться и образом тела» [Vercelloni, 2016, p. xii].

3. Лингвистика инteroцептивных ощущений

В современных гуманитарных науках под инteroцептивными ощущениями принято понимать совокупность сигналов, поступающих из внутренней среды организма и характеризующих состояние органов и частей внутреннего тела [Поляков, 2007]. К ним относятся, в частности, колебания сердечного ритма, спазмирование желудка и кишечника, ощущение полноты или пустоты во внутритеleсных органах, генерализованное ощущение усталости или бодрости и множество других.

Инteroцептивная проблематика совершила прорыв в гуманитарные науки в конце XX в. через посредство психологии, которая, в отличие от физиологии, изучает не свойства инteroцепторов, а когнитивные процессы, связанные с обработкой инteroцептивных стимулов. Заданная психологами исследовательская перспектива создает условия для успешного междисциплинарного диалога с когнитивной лингвистикой, поскольку эти когнитивные процессы так или иначе репрезентируются в речи.

Возможность такого диалога была реализована в работах А.В. Нагорной, которая предприняла первую в отечественной лингвистике попытку системного описания феномена инteroцепции [Нагорная, 2014, 2015].

Вслед за психологами [Тхостов, 2002; Contribution of primary somatosensory area..., 2002] А.В. Нагорная рассматривает инteroцепцию как один из видов когнитивной деятельности. В ходе нее человек наделяет ощущение смыслом, «упаковывая» его в удобные и привычные категории и пытаясь найти ему определенную

нишу в структуре собственного субъективного пространства [Нагорная, 2015, с. 101]¹.

Этот процесс в значительной степени обусловливается феноменологическими свойствами интероцептивных ощущений.

Важнейшим из них, релевантным в лингвокогнитивной перспективе, является специфичность канала восприятия. Интероцептивные ощущения не воспринимаются с помощью пяти органов чувств, на которые мы привычно полагаемся при взаимодействии с окружающим миром и навыки использования которых мы развиваем с первых дней жизни. Лишенный возможности использования привычных перцептивных процедур, человек осуществляет поиск концептуальных ориентиров во внешней, экстероцептивно воспринимаемой среде. Иными словами, он ищет аналог интероцептивного ощущения, имеющий более привычный ему сенсорный формат. Когнитивным механизмом, который позволяет моделировать внутрителесный опыт по аналогии с внешнетелесным, является метафора. В работах А.В. Нагорной приводятся многочисленные примеры использования визуальной, аудиальной, тактильной, ольфакторной и вкусовой лексики для обозначения интероцептивных ощущений. Примечательно, что источником метафорической проекции может служить как определенное сенсорное качество (*qualia*) (*the loud banging of my heart; a sharp cramp punched through her left triceps; bitter cramps went through him, etc.*), так и некий предмет объективной реальности, им обладающий (*his stomach was in a ball* – визуально и тактильно воспринимаемая форма; *there was a flash of lightning in my head* – визуально воспринимаемые форма и цвет). Кроме того, интероцептивные ощущения могут моделироваться по аналогии со сложными объектами материальной или социальной природы: механизмами (*my heart was jackhammaring; there were rusty bandsaws in my legs*), зданиями (*his stomach was like an elevator out of control*), социально-политическими процессами (*my rebellious gallbladder; my stomach went on strike*) и т.д.

Метафора позволяет компенсировать и невозможность социальной рефлексии интероцептивных ощущений, а их внесоциальность, принадлежность исключительно субъектной сфере индивида есть еще одно их важнейшее феноменологическое свойство.

¹ Ср.: Само по себе ощущение совершенно лишено смысла; это тот уровень телесного бытия, на котором тело живет «ради себя самого» [Герасимова, 2010, с. 295].

Адресация к сфере общего опыта, лежащего за границами индивидуального внутрителесного пространства, позволяет преодолеть «онтологический раздел» [Biro, 2010, с. 32] между реальностью самого перципиента и реальностью другого человека, не способного разделить с ним внутрителесное ощущение и пережить его во всей уникальной совокупности его качественных и количественных характеристик. Заметим, что создание особых, отдельных интерпретативных модусов, как и особого, отдельного словаря, обслуживающего исключительно сферу интероцепции, эвристически беспersпективно: не имея возможности сравнить свой субъективный внутрителесный опыт, члены лингвокультурного сообщества оказались бы не в состоянии обеспечить согласованность в использовании терминов, их одинаковое смысловое наполнение от одного носителя языка к другому [Нагорная, 2014, с. 159].

Следствием внесоциальности является принципиальная невозможность верификации результатов интероцептивного опыта. Это означает, что они не могут быть подвергнуты объективной проверке и, как следствие, не могут оцениваться в терминах истинности или ложности. Наличие у интероцептивного ощущения этого феноменологического свойства создает условия для принципиальной множественности его трактовок, ни одна из которых не может претендовать на статус единственной возможной и верной. В связи с этим в психологии часто высказывается мысль о неограниченной свободе индивида в осмыслиении и интерпретации своего интероцептивного опыта (см., например: [Рождественский, 2009]). А.В. Нагорная доказывает, однако, что эта свобода в значительной степени преувеличена, и в своих самых смелых лингвокогнитивных экспериментах человек оказывается неспособен «выйти за пределы концептуария своей культуры» [Нагорная, 2014, с. 296], оставаясь в границах когнитивных и вербальных аффордансов собственной социокультурной среды. Свобода человека, как пишет Нагорная, заключается в богатстве комбинаций, а не в возможности использования любого когнитивного и языкового материала [там же, с. 296].

Важнейшим феноменологическим свойством интероцептивных ощущений является неконтролируемость. Происходящие во внутреннем теле процессы в лучшем случае регистрируются сознанием, но не управляются им. Практически неуправляемым оказывается и процесс их восприятия. При экстероцептивном восприятии, как правило, существует возможность сознательного варьирования его параметров: выбора канала восприятия (слухо-

вого, зрительного, тактильного и т.д.), регулировки интенсивности поступающего сигнала (например, посредством принятия наиболее оптимальной позы или выбора максимально удобного расстояния до воспринимаемого объекта) и т.п. Восприятие внутреннего тела представляется гораздо менее активным процессом; человек лишь принимает сигнал, но не управляет им, и тело вторгается в сознание тогда, когда ему «заблагорассудится» [Нагорная, 2014, с. 73]. Это свойство представляется одним из важнейших в лингвокогнитивной перспективе. Неконтролируемое внутреннее тело начинает восприниматься как самостоятельная реальность, наделенная собственной активностью, что способствует его восприятию в мифологических модусах даже в тех культурах, где культивируется рациональное отношение к телу, основанное на научном, объективном знании. Так, в англоязычных дискурсах в изобилии представлены примеры зоо- и антропоморфизаций внутреннего тела и интероцептивных ощущений: *he felt a coldly fluttering swirl of moths in his gut* (S. King); *now it felt as if a swarm of bees had been loosened in the lower half of his body* (S. King); *Ari's heart tried to claw its way out of his chest* (J. Werkheiser). Заметим, что такая лингвокогнитивная стратегия повсеместно наблюдается в традиционных культурах (см., например: [Kodiath, 1995; Ohnuki-Tierney, 1981; Throop, 2010]).

Еще одним феноменологическим свойством интероцептивных ощущений является лабильность, или изменчивость. Они могут появляться и исчезать, варьируя свои качественные и количественные параметры и меняя локализацию, причем рисунок интероцептивных ощущений может меняться даже на протяжении одного перцептивного эпизода. Их изменчивость требует выработки особых гибких когнитивных моделей для их осмыслиения, которые позволили бы зафиксировать интероцептивный опыт, не лишая его естественной динамики. Наиболее эффективным лингвокогнитивным приемом оказывается интерпретация интероцептивного ощущения в терминах движения (*my heart jumped / sank / dropped / fell / flew / was racing / was galloping, etc.; his stomach turned / twisted / tilted / lurched, etc.*). В монографии А.В. Нагорной подробно описаны группы кинетической лексики и приведены примеры из современных англоязычных источников [Нагорная, 2014, с. 180–213].

Как видно из приведенных выше рассуждений, наиболее эффективным подходом, позволяющим осуществлять лингвистическое исследование интероцепции, является когнитивный. Традиционный «собирательно-дескриптивный» подход, используемый во

многих работах по лингвосенсорике, оказывается непригодным по некоторым причинам.

Во-первых, у интероцепции отсутствует собственный терминоподобный словарь; ее осмысление и вывод в речь целиком и полностью базируются на метафоре. Именно это обстоятельство долгое время делало интероцепцию «невидимой» для лингвистики, препятствуя распознаванию интероцептивного словаря в общем корпусе лексики. Оно же породило весьма распространенный миф о невыразимости интероцептивного ощущения и о крайней скучности средств его вербализации. На самом же деле скучность словаря есть, как правило, лишь скучность идиолекта – вербального репертуара отдельного, конкретного человека, неспособного или нежелающего использовать те многочисленные и разнообразные возможности, которые предоставляет ему его лингвокультура [Нагорная, 2014, с. 296].

Во-вторых, лишь когнитивный подход позволяет изучить принципы организации интероцептивного словаря, выявить признаки его системности, спрогнозировать возможные пути его развития и объяснить механизмы лингвокогнитивной креативности. Так, с его помощью можно реконструировать когнитивные модели, лежащие в основе того или иного способа вербализации, и очертить тем самым границы «инteroцептивного концептуария» [Нагорная, 2015, с. 406] определенной культуры. Словарь интероцептивных ощущений может представляться весьма пестрым, разрозненным и неструктурированным образованием, однако в его основе лежат вполне определенные и исчислимые когнитивные модели, существование которых в коллективном когнитивном пространстве того или иного сообщества всегда исторически и культурно обусловлено. Принципиальная множественность моделей связана с вышеописанными феноменологическими свойствами интероцептивных ощущений. Примечательно, что эти модели не являются изолированными, «герметичными» структурами, полностью независимыми друг от друга. Они могут образовывать иерархические группы, встраиваться друг в друга и взаимодействовать на уровне отдельных элементов [Johnson-Laird, 1983, 1995]. Именно поэтому дискурс интероцептивных ощущений изобилует примерами смешанных метафор, комбинирующих лексические единицы, которые репрезентируют генетически разные когнитивные модели: *My heart was racing, and now it hammered even faster when Sasha's face bloomed in my mind* (D. Koontz); *She screamed, feeling her heart trying to tear itself loose of its plumbing, cram itself into her*

throat, and strangle her (S. King). Когнитивная модель, укорененная как в коллективном, так и в индивидуальном когнитивном пространстве, даже при ее слабой осознанности, выполняет форматирующую функцию по отношению к каждому акту интерпретации и вербализации инteroцептивного ощущения. Как показывает анализ инteroцептивного словаря, его расширение обычно происходит за счет ввода в обиход единиц, парадигматически соотносящихся с уже существующими, устоявшимися в речевой практике. Так, вполне «каноническое» *racingheart* парадигматически притягивает к себе другие лексические единицы с семантикой быстрого перемещения, в результате чего появляются такие способы вербализации, как *galloping heart, my heart dashed / bolted / darted* и т.п., постепенно конвенционализируемые в речевой практике. Специфическая языковая креативность при вербализации инteroцептивных ощущений проявляется именно в способности «увидеть» и обыграть эти парадигматические возможности, опираясь на устоявшиеся в культуре способы осмысления инteroцептивных феноменов.

В-третьих, когнитивный подход позволяет системно учитывать социокультурные детерминанты в формировании способов вербализации инteroцептивных ощущений и объяснять особенности их языкового оформления как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Различия, обнаруживаемые между языками на лексическом уровне, наиболее очевидны и объясняются, главным образом, особенностями аффордансов, предоставляемых той или иной культурной средой. Наиболее простым и наглядным примером является обилие механической метафорики в словаре инteroцептивных ощущений в языках технократических западных культур (ср. англ.: *my heart was triphammering / jackhammering / pumping / kicked into a higher gear, etc.*). В языках же традиционных культур преобладают зоологические метафоры. Так, в япском языке (Микронезия) болевые ощущения в мышцах могут обозначаться лексемой, служащей для именования одного из видов ящериц, а неожиданная острая боль описывается как нахождение в соответствующей части тела барракуды [Throop, 2010, p. 177]. В Индии зафиксированы такие описания болезненных внутрителесных ощущений, как «постоянно жалящий скорпион» и «кус тысячи кобр» [Kodiath, 1995]. Синтаксическое оформление высказывания также оказывается информативным. Оно может репрезентировать различные модусы переживания телесности: «я есть тело»: *I am hungry/ dizzy/ giddy / woozy, etc.* vs «у меня есть тело»: *my stomach*

began to relax; his heart was thudding, etc. Кроме того, оно способно отражать субъективный характер переживания интероцептивного опыта: *my heart seemed to fall dead in my chest, my stomach felt woolen*. Еще одна его функция заключается в том, чтобы отразить статус выдвигаемой когнитивной гипотезы при осмыслинии интероцептивного ощущения: готовое когнитивное решение репрезентируется классической структурой метафоры (*my heart was a triphammer in my chest*), в то время как этап формирования гипотезы и ее апробации фиксируется сравнением (*my heart was like a triphammer*) (см.: [Нагорная, 2014, с. 243–280]).

Интероцептивные ощущения являются новым для лингвистики объектом, однако они представляются интересной и перспективной сферой исследования, способной существенно дополнить и обогатить проблемное поле лингвосенсорики.

4. Проприоцептивные ощущения как лингвистическая проблема

Напомним, что под «проприоцептивными» понимаются ощущения, связанные с положением тела и отдельных его частей в пространстве, как в статичном состоянии, так и в движении. Проприоцептивная система, как поясняет К. МакЛарен, позволяет человеку принимать определенные позы и чувствовать их, сохранять баланс, перемещаться, ощущать границы своего тела, а также свои пределы досягаемости в окружающем пространстве [McLaren, 2010, р. 47]. Дж. Миллер описывает основную функцию этой системы как «мониторинг мышечной активности» и запуск адаптивных изменений в случае, если эта активность не приводит к желаемым результатам [Miller, 2011].

Проприоцептивные ощущения соотносятся с так называемой схемой тела, понимаемой Ш. Галлахером как совокупность «досознательных, субличностных процессов, которые играют динамическую роль в управлении положением тела и движением» [Gallagher, 2005, р. 26]. Следует заметить, однако, что внеферелексивный характер этого вида опыта не есть абсолютная истина. Так же как и в случае с вышеописанными интероцептивными ощущениями, этот опыт оказывается культурно опосредованным, что убедительно продемонстрировано в работах К. Геуртс по культуре англо-эве. Ключевую роль в этой культуре играет чувство баланса, развивающее и совершенствующее на протяжении всей жизни человека, начи-

ная с первых ее дней. Такая центрация на балансе способствует формированию особого когнитивного фокуса, высокой степени осознанности всех типов и видов проприоцептивных ощущений, связанных с его сохранением. Как следствие, в этой культуре существует специальное словесное наименование для совокупности этих ощущений – *seselelame* [Geurts, 2002].

В культурах западного типа этот опыт действительно носит преимущественно досознательный, внерафлексивный характер, что, как и в случае с интероцептивными ощущениями, затрудняет его вывод в речь. Заметим, однако, что за последние несколько лет само слово «проприоцепция» стало все чаще употребляться в публичном дискурсивном пространстве при обсуждении модных телесных и духовных практик, проблем физического и психического здоровья, образования и множества других. Публичное внимание к феномену проприоцепции способствует повышению уровня осознанности при восприятии мышечных импульсов и потенциально может привести к росту номинативной активности в данной сфере. Оно может также способствовать оформлению проприоцептивной проблематики в отдельную область исследования в рамках лингвосенсорики.

Необходимо признать, что проприоцепцию нельзя считать полностью «невидимой» для лингвистики, хотя сам термин употребляется в языковедческих работах крайне редко и не всегда корректно. Так, Ш. Ивасаки, исследуя способы вербального выражения проприоцептивных состояний в тайском языке, неоправданно расширяет значение термина «проприоцептивный», понимая под этим типом ощущений все внутрителесные состояния, значительную часть которых составляют интероцептивные [Iwasaki, 2002].

Заметим, однако, что лингвистика достаточно давно и уверенно оперирует понятием «кинестетический / кинетический», относящимся к сфере движения, а следовательно, и к проприоцепции (см., например: [Cognitivelinguistic: Basicreadings, 2006]). Внимание именно к этому аспекту проприоцепции глубоко не случайно. Движение составляет основу телесного опыта человека и играет центральную роль в осмыслиении себя и окружающего мира. Как пишет М. Шитс-Джонстон, «мы обладаем врожденной способностью мыслить в терминах движения» [Sheets-Johnstone, 2013, с. 19], «движение – это наш родной язык» и в этом смысле, вслед за Э. Гуссерлем, можно сказать, что движение – это мать любого познания [ibid., р. 20]. Будучи важнейшим типом телесного опыта, движение широко представлено в любом естественном языке, а

способы его словесной репрезентации активно изучаются лингвистами (см., например: [Langacker 1987; Jackendoff, 1990; Talmy, 2000; Cardini, 2008]).

Преимущество термина «проприоцепция» заключается в том, что он обладает большим семантическим объемом и, не отменяя собой устоявшийся термин «кинестетика», позволяет включить в орбиту исследования и системно «вписать» в общую парадигму лексические единицы, обозначающие ощущение баланса (например, *tilt*), а также статичные телесные позы (например, *hunch*).

Фактически проприоцептивная проблематика, даже при отсутствии соответствующей терминологии, широко обсуждается в когнитивной лингвистике при исследовании так называемых схем образов.

Приведем лишь несколько примеров, описанных в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Значение слова *напряжение* основано на специфическом мышечном ощущении. *Линейность* осмысливается через перемещение нашего тела в пространстве в определенном направлении. Значение слова *амплитуда* заключено в нашей способности расширять и сужать пространственные границы тела при движениях разного типа. *Проекция* сначала усваивается как некоторое векторное качество динамичных телесных действий. Лакофф и Джонсон поясняют, что мы знаем о различиях в значениях этих слов, потому что они основаны на опыте, полученном в качественно разных жизненных ситуациях, но это значение формируется и развивается в наших бессознательных телесных ощущениях и движениях. Самые сложные понятия, такие как *изогнутый*, *диагональный*, *вертикальный*, *зигзагообразный*, *прямой* и *круговой*, первоначально осмысливаются через положение наших тел, телесное движение и логику этого движения. М. Джонсон иллюстрирует это положение следующими примерами. Мы понимаем, что означает слово «*twisted*» («перекрученный») непосредственно через телесный опыт. Мы получаем это знание через ощущение сильного напряжения и особые ощущения в акте перекручивания собственного тела или какого-либо предмета. В дальнейшем это телесное значение актуализируется, даже когда слово *twisted* используется в переносном значении для обозначения некоего морально-этического понятия (*twisted personality*, *twisted misdeeds*). Мы знаем телом, что означает выражение *to stand straight and tall* и актуализируем это значение в нашем восприятии моральной непогрешимости. Мы познаем корпореальную логику круговых движений своими глазами, ступнями, руками, и это телесное знание дает

нам понимание круговых процессов, временно \square й цикличности и порочных логических кругов [Lakoff, Johnson, 1999]. Многие из наших наиболее фундаментальных понятий, включая те, которые формируют нашу этику, политику и философию, уходят корнями в движение и другие телесные переживания на дорефлексивном уровне.

Аналогичные примеры приводятся и в работах К. Геуртс по культуре анло-эве. Поза и походка для анло-эве символизируют, в том числе, моральную силу. Важность этих составляющих культуры и повышенное внимание к проприоцептивному по своей природе ощущению баланса приводят к тому, что в языке этого народа количество метафор, в которых баланс проецируется на сферу морали, значительно превышает соответствующий метафорический корпус английского языка [Geurts, 2002].

Способность к метафоризации широкого спектра проприоцептивных ощущений хорошо знакома специалистам по так называемой телесно-ориентированной терапии, которые указывают на типичность описания психологических проблем в терминах физических, мышечно ощущаемых состояний: человека «придавливает к земле» проблема, он «тонет» в горе, его брак «шатается» и т.п. [Fuller, 2008, р. 139].

Таким образом, сфера проприоцепции оказывается высоко релевантной для лингвистики и имеет большой потенциал в плане научной разработки.

5. Язык болевых ощущений

За последнее десятилетие в лингвистике оформилось важное для лингвосенсорики направление, связанное с изучением языка болевых ощущений. Это направление представлено в отечественном языкоznании, главным образом, работами Е.В. Рахилиной, А.А. Бонч-Осмоловской и Т.И. Резниковой. В числе зарубежных лингвистов, занимающихся разработкой данной проблематики, – Э. Семино, В. Коллер, Х. Ласкариту и др. Следует заметить, однако, что способы вербализации болевого ощущения активно изучаются и представителями смежных гуманитарных наук: психологии (А.Ш. Тхостов, Д. Биро), культурологии (Дж. Бурк, Д.Б. Моррис), социологии (Г.Л. Вайсс), культурной антропологии (В.Л. Лехциер) и др.

Релевантность этой тематики для лингвосенсорики определяется тем, что боль часто признают одним из видов ощущений, базирующихся на активности специфических рецепторов – ноцицепто-

ров. О принадлежности боли сенсориуму в качестве отдельного его компонента говорил еще Гален (II в. н.э.), который отделил ее от осознания [Hardcastle, 2001, p. 3]. Исследования боли как в физиологии, так и в гуманитарных науках, сопрягаются с изучением рассмотренной ранее интероцепции, а в лингвистике отчасти накладываются друг на друга, поскольку многие интероцептивные ощущения переживаются как болевые. Эти две области, однако, при их онтологической и феноменологической близости, нельзя признать идентичными, так как для интероцепции сущностным признаком является локализация стимула во *внутренней* среде организма, в то время как боль может регистрироваться и на поверхности тела. Кроме того, многие интероцептивные ощущения не являются болью или вовсе переживаются как приятные (ср.: *I have butterflies in my stomach*).

Растущая популярность «болевой» проблематики в гуманитарных науках обусловлена несколькими причинами. Важнейшей из них является изменение взглядов на природу и сущность боли. Традиционное представление о боли как об особом типе чувствительности уступило место более широкой трактовке, в соответствии с которой она признается единством «сенсорных, аффективных и когнитивных измерений» [Pain: A textbook for health professionals, 2014, p. vii]. Такая сложная, многокомпонентная сущность боли обеспечивает возможность ее анализа средствами как естественных, так и гуманитарных наук.

Боль единогласно признается сугубо индивидуальным, частным опытом. Д.Б. Моррис называет ее архетипом субъективности; это нечто, ощущаемое «в уединении нашего индивидуального сознания» [Morris, 1993, p. 14]. Вне воспринимающего, познающего Я, без субъективного восприятия боли не существует [Pain: A textbook for therapists, 2002, p. 4–5], или, как в свойственной ей метафорической манере пишет М. Джексон, «невозможно вырезать из боли Я» [Jackson, 2003, p. 2]. Такое переосмысление феномена боли привело к тому, что субъективный компонент ее переживания был зафиксирован в новом, повсеместно принятом ее определении, которым руководствуются в своей клинической практике западные медики. «Боль – это неприятный сенсорный или эмоциональный опыт, связанный с реальным или потенциально возможным повреждением тканей либо описываемый в терминах такого повреждения»¹. Существует и альтернативное определение, еще более

¹ Сайт Международной ассоциации по изучению феномена боли. Mode of access: <http://www.iasp-pain.org/Taxonomy> (Дата обращения: 28.02.2017.)

рельефно очерчивающее субъективное измерение боли: «Боль – это все то, что называет болью сам пациент» (*Pain is what the patient says it is*) [Jackson, 2003, p. 2; Gould, 2007, p. 1–2].

Субъективный компонент боли формируется под воздействием множества факторов, в число которых входят: этническая принадлежность индивида, культура, в которой он воспитывался, возраст и пол, совокупность социальных и культурных норм относительно приемлемого болевого поведения, ситуация, в которой субъект испытывает болевое ощущение, накопленный им соматический опыт, индивидуальные особенности порогов восприятия, эмоциональное состояние и множество других. Вступая в сложное взаимодействие, эти факторы образуют уникальную индивидуальную матрицу, сквозь которую преломляется болевой стимул, надеясь значением и получая возможность вывода в речь.

При восприятии болевого стимула человек не является пассивным, безучастным страдальцем, он осуществляет поиск смысла боли, создавая интерпретационные модели, позволяющие ему объяснить причины ее возникновения и найти способы избавления от нее. Еще в 1937 г. известный французский хирург Р. Лериш заключил, что сущностью боли является столкновение человека со значением, причем, как утверждают уже современные клинисты, значение, которое люди присваивают болевому ощущению, влияет на интенсивность и продолжительность боли, а также на готовность принять предлагаемое лечение [Sofaer, 1998, p. 34].

Процесс присвоения боли значения единодушно признается весьма сложным видом когнитивной деятельности. Понять сущность боли, как остроумно замечает М. Джексон, – это все равно, что пытаться пригвоздить шарик ртути: чем дольше вы стараетесь «ухватить» боль, тем больше она распадается на мельчайшие неуловимые фрагменты [Jackson, 2013, p. 6]. «Нераскрытая тайна боли» (М. Хайдеггер) является одной из наиболее насущных проблем современных гуманитарных наук в условиях наблюдаемого в них общего антропоцентрического сдвига.

Сложность когнитивной обработки болевого ощущения неизбежно влечет за собой трудности в его репрезентации на вербальном уровне. Феномен невыразимости боли является самым часто упоминаемым в работах по этой проблематике. Д. Биро называет боль «сферой негостеприимной по отношению к языку» [Bigo, 2010, p. 218] и пишет о том, что язык и болевое ощущение «находятся так же далеко друг от друга, как противоположные полюса электрического тока» [ibid., p. 11]. Э. Скарри заявляет, что «боль разрушает язык»,

отбрасывая нас в состояние, предшествующее языку, к тем звукам и крикам, которые производит человеческое существо до того, как осваивает его. По ее мнению, сопротивление болевого ощущения языку – это «не просто некоторое случайное свойство, но базовая его характеристика» [Scarry, 1985, с. 4–5]. Дж. Бурк называет боль «зверем, не поддающимся определению» (definition-defying beast) [Bourke, 2014, р. 29]. По ее словам, болевое ощущение «испытывает пределы конвенционального языка» [ibid., р. 59].

Между тем вывод боли в речь признается важнейшей частью сенсорного опыта. Во-первых, он имеет большую практическую ценность, поскольку, по некоторым данным, 95% всех клинических диагнозов ставится не на основании результатов объективного исследования, а на основании того, как пациент описывает свои ощущения [Лоуэлл, 1997]. Ценность вербальных описаний боли заключается и в том, что они создают благоприятные условия для получения необходимой поддержки со стороны окружающих, имеющих возможность составить более полное представление о страданиях человека через наиболее привычный им – вербальный – канал коммуникации.

Во-вторых, рассказ о боли сам по себе есть эффективное средство ее преодоления. Сформулировать болевой опыт значит придать ему форму и содержание, тем самым демистифицировав его, сделав его понятным и, как следствие, преодолимым.

В-третьих, вербализация боли необходима для формирования дискурсов болевых ощущений, которые признаются в современной западной культуре единственным средством привлечения внимания к проблемам людей, страдающих от определенных соматических расстройств. По некоторым данным, от 36 до 43% европейцев и американцев испытывают хронические боли, и этот показатель постоянно растет, несмотря на развитие медицинских технологий и появление все более эффективных медикаментозных методов лечения [Bourke, 2014, р. 24]. Дискурсы боли формируют особые «болевые сообщества», в которых организуются взаимопомощь и взаимоподдержка, в том числе и сбор средств. Площадкой для их формирования является преимущественно интернет-среда, предоставляющая желающим неограниченный доступ к необходимым ресурсам и обеспечивающая им необходимую анонимность. Одновременно с этим происходит активное формирование весьма специфического литературного жанра – «автопатография»¹ –

¹ Термин «автопатография» был впервые предложен в работе [Women and Autobiography, 1999].

автобиографическое описание опыта переживания болезни в совокупности всех ее сенсорных проявлений.

Несмотря на отмечаемые всеми исследователями трудности в вербализации боли, язык все же признается инструментом, способным презентировать этот субъективный, интимный опыт [Biro, 2010, p. 210]. Первое, на что обращают внимание практически все исследователи при изучении языка боли, – это социокультурная и историческая детерминированность способов вербализации болевого опыта.

Ученые настаивают на том, что аффективное и когнитивное измерения боли приобретаются в результате усвоения и «присвоения» индивидом культуры, в которой он воспитывается [Greenwald, 1991]. Подчеркивается и историческая изменчивость аффективно-когнитивных компонентов боли. Сошлемся в этой связи на Дж. Бурк, которая пишет: «С самого момента рождения младенцы приобщаются к культуре боли. То, что узнавали эти младенцы в 60-х годах XVIII в. о когнитивных, аффективных и сенсорных значениях, возникающих при взаимодействии их внутреннего тела с внешним миром, сильно отличалось от того, что узнавали их ровесники в 60-х годах XX в.» [Bourke, 2014, p. 17].

Одним из базовых, ключевых проблем для всех гуманитарных наук является определение самого понятия «боль». Субъективный характер этого опыта заставляет усомниться в возможности одной, конкретной и универсальной трактовки. Еще Л. Витгенштейн обратился к вопросу о том, откуда люди могут знать, что именно называть болью, если этот опыт принципиально внесоциален. В своих «Философских исследованиях» он показывает, как происходит обучение культурному опыту боли, когда взрослые объясняют поранившемуся и плачущему ребенку, каким словом следует обозначать испытываемое им состояние, обучая его особому болевому поведению [Витгенштейн, 2003]. Спектр этих состояний весьма широк, и понятие «боль» оказывается в равной степени применимым к столь разным по своим масштабам и тяжести ситуациям, как «поцарапанное колено, головная боль, фантомная конечность, камни в почках» [Bourke, 2014, p. 1]. Боль, как писал еще доктор П.М. Латам в XIX в., «принимает множество обличий» [ibid., p. 1]. Следует учесть и контекстуальную обусловленность болевого опыта. С одной стороны, в разных ситуациях болевой стимул может послужить источником страдания (ситуация телесного наказания) или удовольствия (мазохизм). С другой стороны, необходимо учесть и фактор ожидания, который также заставляет интерпрети-

ровать ощущение либо как боль, либо просто как воздействие [Bourke, 2014, p. 8].

Широта охвата понятия «боль» создает определенные классификационные трудности в лингвосенсорике, часто препятствуя разведению болевого и интероцептивного ощущений. Широкая трактовка боли принята, например, в исследованиях Е.В. Рахилиной и ее соавторов, где к категории болевых отнесены ощущения, не являющиеся болью в строгом смысле этого слова (например, «урчит в животе», «щипит в носу»). Авторы объясняют такой подход субъективностью перцептивного опыта и широкой вариативностью в оценке качества ощущения (то, что оценивается как боль одним человеком, для другого болью не является) [Бонч-Осмоловская, Рахилина, Резникова, 2007]. Принимая данный аргумент, мы все же позволим себе усомниться в правомерности трактовки «урчания в животе» как болевого ощущения и сошлемся на исследование Дж. Бурк, согласно которому ощущение голода болевым в западной культуре не считается [Bourke, 2014, p. 5]. Такие терминологические «натяжки» мы считаем еще одним аргументом в пользу выделения интероцепции в самостоятельную область в рамках лингвосенсорики.

В современной лингвистике можно выделить две линии в исследовании языка боли. Первая из них связана с изучением способов словесной репрезентации самого концепта БОЛЬ, а вторая – с анализом всех возможных способов вербализации болевого ощущения.

В рамках первого направления производится исчисление всех лексических единиц, передающих значение «боль», и анализ семантических различий между ними. По данным ряда исследователей, количество слов со значением «боль» в языке не превышает четырех единиц. В наиболее изученном английском языке к ним относятся *pain*, *ache* и *hurt*, которые могут использоваться как глаголы и существительные. С. Николс относит к этой группе и прилагательное *sore* (*I am sore*), семантически близкое к глаголу *hurt* [Nicholls, 2003, p. 102–104]. Интересно отметить, что в конверсионных парах глагол и существительное могут относиться к разному типу боли в лучших традициях дихотомического картезианского мышления. Так, существительное *rain* используется, главным образом, для обозначения физического страдания¹, в то время как

¹ Заметим, что оно может употребляться и в значении «душевные муки». Ср.: *He found it hard to cope with the pain of being separated from his children*. Такое

глагол *paint* обозначает исключительно душевные муки: *It pained her to think that they would never talk to each other again*. В паре *hurt* (сущ.) – *hurt* (глаг.) наблюдается прямо противоположная ситуация: *A mother tries to protect her child from hurt* (*hurt* – эмоциональная боль), *Fred's knees hurt after skiing all day* (*hurt* – физическое, телесное ощущение). Кроме «онтологического типа» боли (телесная vs душевная), единицы данной группы способны обозначать и разные ее качественные типы. Как известно, *paint* в наибольшей степени приспособлено для обозначения острой, в том числе приступообразной, боли, в то время как *ache* является средством номинации тупой, ноющей боли.

В ряде работ изучаются особенности концептуальных схем, используемых в разных лингвокультурах при осмыслиении боли как вида телесного опыта. Исследования на материале английского языка показывают, что боль может концептуализироваться несколькими альтернативными способами. Во-первых, она может интерпретироваться в рамках общего представления о теле как о контейнере, представая как некая сущность, локализованная в телесном пространстве: *She had a pain in the back of her neck*. Во-вторых, она сама может метафорически описываться как контейнер или локус, внутри которого помещается перцептор: *I have been in constant pain since my accident*. Это представление, по мнению Э. Семино, базируется на экспериенциальных доменах заточения, ограничения свободы [Semino, 2013, p. 272]. Не случайно многие люди, страдающие от хронических болей, описывают этот опыт как «заточение в тюрьме или замке собственного тела». Ср.: *he was a terrified prisoner inside his body – a hostage in a tower* (S. King). Заметим, что наличие двух вышеописанных типов концептуализации в пределах коллективного когнитивного пространства одного социума создает условия для языковой игры. Весьма интересный пример такого рода приводится в монографии Дж. Бурк. В 1927 г. в газете *The Adelaide Advertiser* был опубликован скетч «Боль» следующего содержания. Мать спрашивает сына: «*You don't look well, Johnny. Are you in pain?*», на что тот отвечает «*No, mummy. The pain's in me*» [Bourke, 2014, p. 62].

Предметом изучения в лингвистических исследованиях являются также морфологические особенности лексических единиц,

употребление, однако, является гораздо менее частотным, а само значение «душевная боль» не является главенствующим.

обозначающих боль, и их синтаксические валентности [Рудницкая, Новичков, 2010].

Работа в рамках второго направления предполагает каталогизацию всех лексических средств, используемых для описания болевого ощущения. Примечательно, что первые попытки создания словаря боли были предприняты не лингвистами, а практикующими клиницистами, которые поставили перед собой задачу облегчить коммуникацию с пациентами, предоставив им готовый набор болевых дескрипторов.

Первой из таких попыток, описанных в литературе, был список К. Херинга, составленный в 50-х годах XIX в. и включавший такие единицы, как *dull, pressing, throbbing, perforating* и др. Херинг представил также подробные описания различных типов болевых ощущений, характерных для того или иного. Таким образом, он фактически представил словарь, позволяющий перевести бытовое описание ощущения в терминологию нозологической единицы.

Тот же «списочный» принцип лег в основу известнейшего на Западе «опросника боли МакГилл» [Melzack, Wall, 1996], который был составлен в 1971 г. для помощи пациенту в оценке его соматического состояния. В него включено 102 слова, которые распределены на три большие группы в соответствии с обозначаемым аспектом болевого ощущения: 1) слова, описывающие сенсорные качества опыта в терминах временных, пространственных, температурных и других свойств (e.g. *shooting, stabbing, lacerating, tugging, stinging, aching, rasping, etc.*); 2) слова, описывающие аффективные качества и автономные свойства ощущения (e.g. *exhausting, terrifying, punishing, vicious, wretched*); 3) оценочные слова, которые описывают степень интенсивности болевого опыта (e.g. *annoying, miserable, intense, unbearable, etc.*). В составе групп было выделено 16 подгрупп, объединяющих слова, обозначающие качественно схожие ощущения (e.g. *sharp, cutting, lacerating, jumping, flashing, shooting; dull, sore, hurting, aching, heavy*). «Схожесть» определялась на основе оценок большинства респондентов-пациентов. В окончательный вариант опросника были введены дополнительные единицы, не объединенные никаким качественным параметром и обозначающие дополнительные характеристики боли [ibid., с. 38–39].

Опросник представляет несомненную лингвистическую ценность, поскольку является, по сути, первым опытом систематизации словаря болевых ощущений, основанного на семантическом

критерии, в отличие от других известных опросников, которые позволяют лишь оценить интенсивность боли, никак не обозначая само ощущение (Pain Self Efficacy Questionnaire¹, Pain Impact Questionnaire² и др.). Сам М. Мелзак видел ценность опросника в том, что он «узаконил» употребление простых, бытовых слов для обозначения ощущения и дал пациентам возможность использовать готовые, причем простые и понятные, формулировки – те самые формулировки, которые они используют при общении с близкими людьми, но считают неприемлемыми для описания своего телесного опыта врачам [Melzack, 1975, с. 283].

Возможность использования бытовых слов для обозначения болевого опыта неизбежно выводит исследователя в проблемное поле образных средств языка. На сегодняшний день наиболее популярным объектом исследования является метафора. Как и в случае интероцепции, метафоричность признается базовым свойством словаря болевых ощущений. По словам Д. Биро, «при описании боли мы не делаем осознанный выбор в пользу метафоры, мы вынуждены прибегать к ней в связи с полным отсутствием буквального языка. Это либо метафора, либо отсутствие языка» [Biro, 2010, р. 73]. Само понятие метафоричности, по мнению Биро, требует в данном случае ревизии: «Язык боли одновременно и метафоричен и нет. С одной стороны, он опосредован и по определению ложен: он описывает один предмет в терминах другого. С другой стороны, все, начиная с Джойса и заканчивая человеком с улицы, используют его. Не существует более буквального или прямого способа сообщить о боли» [Biro, 2010, р. 71].

Важнейшей задачей лингвистического исследования становится изучение механизмов метафоризации боли и выявление доменных областей, служащих источником метафорической проекции на область болевых ощущений.

Механизм метафоризации в данном случае тот же, что и для интероцептивных ощущений: перцептор осуществляет поиск концептуальных ориентиров в сфере общего для всех людей опыта. По словам Д. Биро, «мы ищем снаружи аналог того, что чувствуем внутри» [Biro, 2010, р. 89].

¹ Анкета, позволяющая произвести самодиагностику боли. – Mode of access: www.vwa.vic.gov.au (Дата обращения: 28.02.2017.)

² Анкета, позволяющая оценить интенсивность болевого ощущения. – Mode of access: www.qualitymetric.com (Дата обращения: 28.02.2017.)

Таким аналогом может, например, служить орудийная деятельность человека. Орудийная метафора является одним из самых распространенных способов концептуализации болевых ощущений в английском языке. Cp.: *She felt as if a blade had pierced her heart* (L. Goldstein); *I stood there and felt as if a great hammer had smashed upon my head* (Sh. Abe); *A knife of pain stabbed through my right ankle* (L. Grant).

Важно уточнить, что термин «орудие» употребляется в исследованиях для обозначения двух типов объектов, соответствующих категориям «оружие» и «орудие», причем один и тот же объект может входить в обе категории в зависимости от способа использования. Как пишет Э. Скарри, различие заключается в том, на какую поверхность предмет оказывает воздействие. Мы называем предмет оружием, когда он воздействует на чувствительную поверхность, и орудием, когда он взаимодействует с нечувствительной поверхностью. Нож, которым режут живую корову или лошадь, – это оружие, а нож, который разрезает уже неживую плоть за ужином, – это орудие [Scarry, 1985, p. 173]¹. Заметим, что упоминавшийся ранее опросник МакГилл включает значительное число орудийных метафор, закрепляя и «узаконивая» их использование в дискурсе ощущений: *shooting, boring, drilling, lancinating, searing* и др.

Орудийная метафорика боли неизбежно связана с идеей физического повреждения тела. Наличие или отсутствие реального воздействия на тело рассматривается некоторыми исследователями как важный фактор, определяющий выбор когнитивного механизма осмысления возникающего ощущения. По мнению Э. Семино, выражения типа «острая боль» следует рассматривать как проявление метонимии, если они употребляются в ситуации, когда на тело действительно воздействует острый предмет (свойства предмета проецируются на вызываемое им ощущение). Если же такого воздействия в реальности нет, следует говорить о метафоре [Semino, 2010, с. 2].

¹ Существуют, однако, предметы, категориальная принадлежность которых не определяется описанным выше критерием. Скальпель, например, формально является оружием, поскольку изначально предназначен для воздействия на чувствительную поверхность, но по сути принадлежит к категории орудий, так как создан для выполнения определенных производственных операций, конечная цель которых не заключается в убийстве человека или нанесении ему увечий [Scarry, 1985, p. 173].

Важный вопрос возникает в связи с использованием широкого спектра лексики, метафорически обозначающей некоторое экстремальное по своей разрушительной силе воздействие на тело: *stab, lance, hammer, bore* и т.д. Представляется весьма сомнительным, чтобы человек имел непосредственный телесный опыт такого рода. Интересное объяснение предложено Э. Семино, которая высказала предположение, что незнакомый телесный опыт, такой, например, как ощущение от удара ножом, представляет собой «экстремальную версию» более простых и часто происходящих болевых событий, например, укола иглой. Используя метафору ножевого удара, перцептор профирирует семантику грубого проникновения, существенно повреждающего тело [Semino, 2013, р. 271–272]. Иная точка зрения была изложена А. Глуклихом. Он предположил, что в подобных случаях метафора является аналогией, основанной на визуальных и темпоральных соответствиях. Так, например, если боль характеризуется внезапным началом и внезапным же завершением и ограничена небольшим пространством, мы называем ее «стреляющей болью» (*shooting pain*). Она напоминает «визуальную форму» выстрела, а не те болевые ощущения, которые возникают в результате реального выстрела в тело [Glucklich, 1998, р. 396–397].

Другим широко используемым источником метафоризации является домен «живые существа». Наиболее простое объяснение популярности данного домена заключается в том, что взаимодействие с животными в той или иной телесной форме составляет неотъемлемую часть жизненного опыта любого человека, независимо от его этнической и культурной принадлежности (мы *наблюдаем* за поведением животных, *слышим* типичные для них вокализации, взаимодействуем с ними *тактильно*, в том числе и становясь объектом воздействия с их стороны и т.д.) [Нагорная, 2017].

Зооморфизация боли является одной из наиболее базовых лингвокогнитивных стратегий, встречающихся повсеместно. Так, развитой зоологической метафорикой боли обладают сахалинские айну. Они различают «медвежью головную боль», напоминающую тяжелую поступь медведя, «кабаржиную головную боль», похожую на легкий бег оленя, а также «дятловую головную боль», похожую на стук дятла по коре дерева. Интересно отметить, что для айну сущностным признаком этого внутрителесного ощущения является наличие или отсутствие озноба. При наличии последнего «сухопутная» зоологическая образность сменяется «водной»: головная боль описывается как «осьминожья», вызывая в сознании

образ осьминога, перемещающегося при помощи снабженных присосками щупалец, либо как «крабья», если боль ощущается как серия покалываний [Ohnuki-Tierney, 1981, 49–50].

Зоологические метафоры распространены и в европейских языках. В английском языке, например, они могут репрезентироваться на вербальном уровне несколькими способами. Во-первых, может использоваться эксплицитное указание на то или иное животное: *the pain feels like an elephant using my temple as a trampoline* (B.H. Dobkin); *her pain gnawed her like sharp weasel's teeth* (S. King). Во-вторых, могут обыгрываться различные аспекты свойственного животному поведения, репрезентируемые соответствующими лексическими единицами: *old pain was gnawing his bones again* (S. King); *The pain was clawing at her heart* (A. Ivy); *the pain devoured him* (M. Cerasini); *he felt stinging pain* (S. King); *The pain bit sharply again in his chest* (B. Plain); *a fresh snarl of pain* (S. King). В-третьих, может использоваться адъективная лексика, характерная для описания животных: *vicious / savage / ferocious, etc. pain*.

Отмечаются и случаи антропоморфизации боли – наделения ее человеческими свойствами и характеристиками. Одним из таких свойств является способность к целеполаганию, репрезентируемая на вербальном уровне единицами с семантикой волеизъявления, намерения, желания: *Pain wants so much to cry out, to comport itself in an unruly manner* (R. Walser).

Боль может также метафорически соотноситься с явлениями природы и природными катаклизмами. Так, одной из самых распространенных метафор головной боли в англоязычной культуре является молния: *A bolt of pain, 'like lightning', she said, went through her head and she heard a shotgun blast* (S. King). Любопытно отметить, что эта метафора является настолько каноническим средством осмысления головной боли, что схематическое изображение молнии является символом Британской Ассоциации невралгии тройничного нерва (Trigeminal Neuralgia Association UK)¹. Боль может также метафорически описываться как извержение вулкана (*a blinding bright pain erupted inside my skull* (S. Fletcher)), пожар (*Suddenly a horrid pain came to his chest, like unexpected fire* (W. Styron)), наводнение (*Then the pain flooded up through her and she fainted* (T. Savage)) и другие природные явления.

¹ Сайт Британской Ассоциации невралгии тройничного нерва. – Mode of access: www.tna.org.uk (Дата обращения: 28.02.2017.)

Примечательно, что источником метафорической проекции может служить и само болевое ощущение, т.е. один тип боли может осмысляться через другой. Таким образом, ощущение, составляющее основу для метафоризации, выступает в качестве своеобразного перцептивного эталона.

Одним из таких «эталонных» ощущений в западной культуре является зубная боль. Ср.: *Today the pain is just a dull throb, like a toothache in my thigh* (L. Brackman); *Her breasts ached like a bad tooth* (Ch. C. Finlay). Другим перцептивным эталоном боли в англоязычной, как и множестве других культур, является телесный опыт родов: *His stomach had already begun to protest, contrasting in spasms that he imagined were worse than those of a womb in labor* (W. Styron). Кроме того, источником метафорической проекции могут служить разнообразные заболевания тяжелой симптоматики, единодушно признаваемые крайне болезненными и опасными. Так, Дж. Бурк приводит пример метафоры подагры при описании зубной боли, датируемый 30-ми годами XIX в.: *gout in my jaws* [Bourke 2014, с. 56]. В современных источниках метафора подагры не используется, поскольку данное заболевание давно и успешно лечится, редко перерастая в хроническое. Анализ литературы позволяет выявить метафорический потенциал других соматических патологий: малярии, мочекаменной болезни, карбункулеза и др.

Интереснейшей областью исследования, важной как в лингвокогнитивной, так и в более широкой гуманитарной перспективе, является изучение механизмов ретроекции. Суть данного феномена заключается в интериоризации тех способов переживания ощущения, которые фиксируются языком. Как пишет М. Киммел, метафоры, телесные образы и символы начинают ощущаться внутри тела после их многократного, часто многолетнего, предъявления человеку в дискурсивной практике [Kimmel, 2008, р. 99–101]. Обширные дискурсивные исследования позволяют выявить то влияние, которое оказал на язык ощущений упоминаемый ранее опросник МакГилл. По наблюдениям К. Кроуфорд, например, после 1975 г. (год публикации опросника) в научной литературе по фантомной конечности дескрипторы Мелзака стали активно вытеснять ранее используемую терминологию. В речи пациентов традиционные дескрипторы *wrinkled, swollen, glowing, dry, furry* также заменяются предложенными Мелзаком терминами *lancinating, lacerating, knifing, smarting, dreadful and wretched*. Последствия такого перехода гораздо более глобальны, чем можно было бы предположить, поскольку официальная терминология Мелзака способст-

вовала конструированию боли там, где изначально ее не было (многие ампутанты описывали свои ощущения скорее как приятные, чем болезненные). Фантомные конечности *стали* болеть после того, как пациенты перешли на язык боли [Crawford, 2009, p. 659]. Таким образом, дискурс ощущения способен влиять на его феноменологию. В данном случае, например, стирается квалификационная грань между болью и не-болью, и возникновение любого ощущения воспринимается как некоторая сенсорная аномалия, которая требует медицинского вмешательства, именуемого болью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования сенсорных процессов, начавшиеся в лингвистике более 30 лет назад, в настоящее время выходят на новый уровень, интегрируясь в общее проблемное поле «сенсорные исследования». Такая интеграция требует от лингвистов большей степени открытости для междисциплинарного диалога, готовности к ревизии концептуального и терминологического аппарата исследований, учета достижений других наук, а также чуткости к современным тенденциям в развитии гуманитарного знания.

Перефразируя известную поговорку, К. Классен пишет, что исследование сенсорики требует «бархатной руки в железной перчатке». Железная перчатка нужна для того, чтобы установить границы предмета и структурировать его. Как только эта задача будет выполнена, понадобится бархатная рука, чтобы с осторожностью и деликатностью исследовать проблемы, лежащие в самом сердце человеческого опыта [The Book of Touch, 2005, p. 3].

Принцип «бархатной руки в железной перчатке» весьма актуален и для лингвосенсорики. «Железной перчаткой» необходимо стянуть все исследования сенсорных процессов в единую парадигму, систематизировать подходы и обеспечить исследовательскую преемственность. Определенная твердость понадобится и для того, чтобы, вписав эту парадигму в общенациональный контекст, все же не размыть собственные дисциплинарные границы. «Бархатной рукой» необходимо собрать обширный языковой материал из разных лингвокультур, проанализировать его с учетом социокультурных и исторических условий формирования сенсорного словаря, учтя принципиальную «множественность исторических траекторий» [Howes, 2003, p. 9] и избежав искусственного «вчитывания» привычных европейцу сенсорных смыслов. Важно не допустить абсолютизации

вербальной составляющей в переживании ощущений, памятуя о предупреждении Д. Хауза о том, что сенсорные исследования необходимо освободить от «смирительной рубашки языка». Нужно помнить о том, что определенные сообщества не испытывают потребности в словесном выражении своих ощущений и могут «передавать свои сенсорные ценности» [Howes, 2003, р. 10] внеязыковыми средствами. Необходимо учесть также, что значительная часть сенсорных процессов вовсе не ощущается, оставаясь «молчаливым посланием нашего тела» [Classen, 2012, р. xvi], что не означает, однако, отсутствия способности ощущать. Таким образом, непредставленность сенсорного опыта в языковых формах не означает ущербности сенсориума представителей той или иной культуры. Одновременно с этим, преобладание лексики, репрезентирующей определенный сенсорный модус, не свидетельствует о степени развитости или отсталости той или иной культуры.

Развитие лингвосенсорики как научного направления потребует не только детального описания рядов сенсорной лексики. Необходим более подробный и системный анализ механизмов ее метафоризации и метонимизации в разных лингвокультурах, а также рассмотрение синтаксических структур, используемых при вербализации сенсорного опыта. Важнейшей задачей является изучение процессов взаимодействия сенсорных модусов, в ходе которого происходит «перекрестная коммуникация между различными потоками чувственных впечатлений» при восприятии окружающего мира [Perception and Its Modalities, 2015, р. 13]. Релевантными для лингвосенсорики являются когнитивные механизмы кросс-модального трансфера и способы его словесной репрезентации. Исследования такого рода уже ведутся в рамках изучения феномена синестезии, оставшегося нерассмотренным в настоящем обзоре. Дальнейшее развитие лингвосенсорики предполагает также выход за пределы официальных классификаций ощущений и исследование того, что в разных культурах называется «шестым» (седьмым, восьмым и т.д.) чувством. Важнейшей для лингвистики проблемой является статус эмоций в структуре сенсорного опыта и возможность создания новой интегральной области лингвистических исследований в духе зарождающегося холистического, антикартизанского антропологического подхода.

Разработка новых подходов и направлений в рамках лингвосенсорики возможна лишь при условии эффективного междисциплинарного взаимодействия и понимания ощущения как продукта сложного взаимодействия тела, разума, физической и социокультурной среды.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. *Бахтин Н.М.* Из жизни идей: Статьи, эссе, диалоги. – М.: Лабиринт, 1995. – 152 с.
3. *Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Труды международной конференции «Диалог 2007». – М., 2007. – С. 76–82.
4. *Брылева Р.Ф.* Перцептивные концепты и способы их объективации во французском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22 (203). Вып. 46: Филология. Искусствоведение. – С. 17–20.
5. *Булюбаш А.Ю.* Перцептивный модус «запах» и средства его языкового означивания в поэтической речи И.А. Бунина и Н.А. Заболоцкого // Междунар. научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург: Полиграфист, 2016. – № 8 (50). Ч. 5. – С. 90–93.
6. *Быховская И.М.* «*Homo somatikos*»: аксиология человеческого тела. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.
7. *Верхотурова Т.Л.* Лингвофилософская природа метакатегории «наблюдатель»: Дис. ... докт. филол. наук. – Иркутск, 2009. – 366 с.
8. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 233 с.
9. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 220–548.
10. *Вольтер.* Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения. – М.: Наука, 1974. – 392 с.
11. *Герасимова И.А.* Сознание поверхностное и глубинное: возможности и перспективы анализа // Феномен сознания. – М.: Прогресс – Традиция, 2010. – С. 249–362.
12. *Глаголы звуков животных: Типология метафор.* – М.: Языки славянских культур, 2015. – 400 с.
13. *Григорьева О.Н.* Цвет и запах власти: Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 248 с.
14. *Гуделева Е.М.* Символика цвета в творчестве Е.И. Замятиной: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2008. – 203 с.
15. *Джеймс У., Рассел Б.* Введение в философию. – М.: Республика, 2000. – 314 с.
16. *Карташова Ю.А.* Функционально-семантическое цвето-световое поле в лирике Игоря Северянина: Дис. ... канд. филол. наук. – Бийск, 2004. – 167 с.
17. *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.
18. *Князева Е.Н.* Телесная природа сознания // Телесность как эпистемологический феномен. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 31–54.
19. *Кондильяк Э.Б.* Трактат об ощущениях // Кондильяк Э.Б. Собрание соч.: в 3-х тт. – М.: Мысль, 1982. – Т. 2. – С. 189–399.
20. *Кравченко Э.Я.* Система символов в языке ранней поэзии А. Белого: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 202 с.

21. *Лаенко Л.В.* Перцептивный признак как объект номинации: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Воронеж, 2005. – 39 с.
22. *Лоуэлл Б.Л.* Сигналы тела: О чем сообщает вам ваш организм. – М.: Вече: АСТ, 1997. – 576 с.
23. *Макевнина И.А.* Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 257 с.
24. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 606 с.
25. *Михалев А.Б.* Теория фоносемантического поля: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1995. – 37 с.
26. *Нагорная А.В.* Лингвистические релевантные аспекты современных философских концепций тела // Наука в современном мире: Материалы. VIII межд. науч.-практ. конф.: Сб. науч. трудов. – М.: Изд-во «Перо», 2011. – С. 306–317.
27. *Нагорная А.В.* Орудийная метафора как средство объективации внутрителесного опыта // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 2 (Т. 7). – С. 84–97.
28. *Нагорная А.В.* Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.
29. *Нагорная А.В.* Вербальная репрезентация инteroцептивных ощущений в современном английском языке: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 2015. – 460 с.
30. *Нагорная А.В.* Образы животных в дискурсе внутрителесных ощущений / ИНИОН РАН // Языковой образ в коммуникации. – М., 2017. – С. 56–68.
31. Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М.: КомКнига, 2007. – 320 с.
32. *Осгуд Ч.* Значение термина «восприятие» // Психология ощущений и восприятия. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С. 94–96.
33. *Пинкер С.* Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 560 с.
34. *Поляков С.Э.* Мифы и реальность современной психологии. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 496 с.
35. *Рахилина Е.В.* О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М.: КомКнига, 2007. – С. 29–39.
36. *Рождественский Д.С.* Homo Somaticus. Человек соматический. – СПб.: ИП Седова Е.Б., 2009. – 264 с.
37. *Рудницкая Е.Л., Новичков П.Ю.* Английские номинации болевых и неприятных ощущений с позиций лексико-семантической типологии // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 78–84.
38. *Рузин И.Г.* Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: Дис. ... канд. филол. наук. – 1995. – 199 с.
39. *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
40. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2011. – 925 с.
41. *Сивакова Е.М.* Язык цвета в идиостиле А. Блока: Дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2009. – 338 с.
42. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
43. *Фейгенберг И.М.* Видеть – предвидеть – действовать: Психологические этюды. – М.: Знание, 1986. – 159 с.

44. *Фролова О.Е.* Перцептивный модус в жестко структурированном тексте. – Режим доступа: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2006/vol1/18.pdf>.
45. *Харченко В.К.* Словарь цвета: Реальное, потенциальное, авторское. – М.: Изд-во ИМЛИ им. А.М. Горького, 2009. – 532 с.
46. *Харченко В.К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
47. *Эпштейн М.Н.* Хаптика: Человек осозиающий // Тело свободы. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 16–38.
48. *Юшикина Е.А.* Поэтика цвета и света в прозе М.А. Булгакова: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 223 с.
49. *Ackerman D.* A natural history of the senses. – N.Y.: Vintage Books, 1990. – 352 p.
50. *Anderson E.R.* Folk-taxonomies in Early English. – L.: Associated univ. press, 2003. – 587 p.
51. Anthropology of color: Interdisciplinary Multilevel Modeling. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 485 p.
52. Aural cultures. – Toronto: YYZ Books, 2004. – 288 p.
53. *Berger J.* Ways of seeing. – L.: Penguin Books, 1972. – 176 p.
54. *Benthien C.* Skin: On the cultural border between self and the world. – N.Y.: Columbia univ. press, 2002. – 256 p.
55. *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. – Berkeley, Los Angeles: Univ. of California press, 1969. – 210 p.
56. *Biro D.* Listening to pain: Finding words, compassion, and relief. – N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2010. – 256 p.
57. *Bourdieu P.* Pascalian meditations. – Stanford: Stanford univ. press, 2000. – 264 p.
58. *Bourke J.* The story of pain: From prayer to painkillers. – Oxford: Oxford univ. press, 2014. – 396 p.
59. *Cardini F.-E.* Manner of motion saliency: An inquiry into Italian // Cognitive Linguistics. – Berlin: Mouton De Gruyter, 2008. – N 19 (4). – P. 533–569.
60. *Classen C.* Worlds of sense: Exploring the senses in history and across cultures. – N.Y.: Routledge, 1993. – 192 p.
61. *Classen C.* The deepest sense: A cultural history of touch. – Urbana; Chicago; Springfield: Univ. of Illinois press, 2012. – 296 p.
62. *Clark A.* Perceiving as predicting // Perception and its modalities. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – P. 23–43.
63. Cognitive Linguistic: Basic readings. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2006. – 485 p.
64. Contribution of primary somatosensory area 3 b to somatic cognition: A neuro-magnetic study / Tanosaki M., Suzuki A., Kimura T., Takino R., Haruta Y., Hoshi Y., Hashimoto I. // Neuroreport. – N.Y.: Wolters Kluwer, 2002. – N 13(12). – P. 1519–1522.
65. *Crawford C.S.* From pleasure to pain: The role of the MPQ in the language of phantom limb pain // Social Science and Medicine. – Paris: Elsevier, 2009. – N 69 (5). – P. 655–661.
66. *Day J.* Making Senses of the Past // Making Senses of the Past: Toward a sensory Archeology. – Carbondale: Southern Illinois univ., 2013. – P. 1–31.
67. *DeGlooma Th.* Seeing the light: The social logic of personal discovery. – Chicago: Univ. of Chicago press, 2014. – 256 p.

68. *Deutscher G.* Through the language glass: How words colour your world. – N.Y.: William Heinemann, 2010. – 320 p.
69. *Drobnick J.* Olfactocentrism // The smell culture reader. – Oxford, N.Y.: Berg, 2006. – P. 1–12.
70. *Feld S.* A rainforest acoustemology // The auditory culture reader. – Oxford, N.Y.: Berg, 2003. – P. 223–240.
71. *Figurative language, genre and register.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 320 p.
72. *Fillingim R.B.* Pain measurement in humans // Core topics in pain. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – P. 71–78.
73. *Fuller R.C.* Spirituality in the flesh: Bodily sources of religious experiences. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 208 p.
74. *Gallagher S.* How the body shapes the mind. – N.Y.: Oxford univ. press, 2005. – 294 p.
75. *Geurts K.L.* Culture and the senses: Bodily ways of knowing in an African community. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 2002. – 293 p.
76. *Glucklich A.* Sacred pain and the phenomenal self // The Harvard Theological Review. – Boston: Cambridge univ. press, 1998. – Vol. 91, N 4. – P. 390–402.
77. *Gould H.J.* Understanding pain: What it is, why it happens, and how it's managed. – N.Y.: Demos Health, 2007. – 152 p.
78. *Greenwald H.P.* Interethnic differences in pain perceptions // Pain. – Alphen an den Rijn: Wolters Kluwer, 1991. – N 44. – P. 157–163.
79. *Guérer A.* Olfaction and cognition: A philosophical and psychoanalytic view // Olfaction, Taste, and Cognition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – P. 3–15.
80. *Hall E.T.* The hidden dimension. – N.Y.: Random House, 1966. – 240 p.
81. *Hardcastle V.G.* The myth of pain. – Denver: Bradford Books, 2001. – 320 p.
82. *Hoffmann V. von.* From gluttony to Enlightenment: The world of taste in Early Modern Europe. – Chicago: Univ. of Illinois press, 2016. – 304 p.
83. *Holley A.* Cognitive aspects of olfaction in perfumer practice // Olfaction, taste, and cognition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – P. 16–26.
84. *Holley A., MacLeod P.* Transduction et codage des information sol factives chez les vertébrés // J. Physiol. – Paris: Elsevier, 1977. – N 73. – P. 725–848.
85. *Howes D.* Nose-wise: Olfactory metaphors in mind // Olfaction, taste, and cognition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – P. 67–81.
86. *Howes D.* Sensual relations: Engaging the senses in culture and social theory. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2003. – 288 p.
87. *Howes D., Classen C.* Ways of sensing: Understanding the senses in society. – N.Y.: Routledge, 2013. – 200 p.
88. *Ibarretxe-Antuñano I.* Vision metaphors for the intellect: Are they really cross-linguistic? // Atlantis: J. of the Spanish Association of Anglo-American Studies. – Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2008. – Vol. 30, Num. 1. – P. 15–33.
89. *Iwasaki Sh.* Proprioceptive-state expressions in Thai // Studies in Language. International J. sponsored by the Foundation «Foundations of Language». – Amsterdam: John Benjamins e-platform, 2002. – Vol. 26, is. 1. – P. 33–66.
90. *Jackendoff R.* Semantic structures. – Cambridge, Massachusetts: The MIT press, 1990. – 226 p.

91. *Jackson M.* Pain: The science and culture of why we hurt. – Toronto: Vintage Canada, 2003. – 366 p.
92. *Johnson B.* Sound studies today: Where are we going? // A Cultural History of sound, memory, and the senses. – N.Y.: Routledge, 2017. – P. 7–22.
93. *Johnson-Laird P.N.* Mental models. – Cambridge, Massachusetts: Harvard univ. press, 1983. – 528 p.
94. *Jütte R.* Geschichte der Sinne: von der Antike bis zum Cyberspace. – München: C.H. Beck, 2000. – 416 S.
95. *Kimmel M.* Properties of cultural embodiment: Lessons from the anthropology of the body // Body, language, and mind. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008. – Vol. 2: Sociocultural Situatedness. – P. 77–108.
96. *Klein J.Th.* Humanities, culture, and interdisciplinarity. – N.Y.: State univ. of New York press, 2005. – 280 p.
97. *Kodiath M.F., Kodiath A.* A comparative study of patients who experience chronic malignant pain in India and the United States // Cancer nursing: An International J. for Cancer Care. – N.Y.: Wolters Kluwer, 1995. – Vol. 18, is. 3. – P. 189–196.
98. *Korsmeyer C.* Making sense of taste. – N.Y.: Cornell univ. press, 2002. – 240 p.
99. *Köster E.P.* The specific characteristics of the sense of smell // Olfaction, taste, and cognition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – P. 27–44.
100. *Kövecses Z.* Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 244 p.
101. *Kövecses Z.* Metaphor: A practical Introduction. – N.Y.: Oxford univ. press, 2010. – 400 p.
102. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. – N.Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.
103. *Langacker R.W.* Foundations of Cognitive Grammar. – Stanford: Stanford univ. press, 1987. – Vol. 1.: Theoretical prerequisites. – 540 p.
104. *Macpherson F.* Individuating the senses // The Senses: Classical and contemporary philosophical perspectives. – Oxford: Oxford univ. press, 2011. – P. 3–46.
105. *Majid A., Levinson S.C.* The senses in language and culture // Senses and Society. – L.: Berg, 2011. – Vol. 6, is. 1. – P. 5–18.
106. *Mazzio C.* Book use, book theory: 1500–1700. – Chicago: The Univ. of Chicago library, 2005. – 136 p.
107. *McLaren K.* The language of emotions: What your feelings are trying to tell you. – Toronto: Sounds True, Inc., 2010. – 432 p.
108. *McLuhan M.* The Gutenberg galaxy: The making of Typographic Man. – Toronto: Univ. of Toronto press, 1962. – 293 p.
109. *Melzack R.* The McGill pain questionnaire: Major properties and scoring method // Pain. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 1975. – N 1. – P. 277–279.
110. *Melzack R., Wall P.D.* The challenge of pain. – N.Y.: Penguin Books, 1996. – 340 p.
111. *Merleau-Ponty M.* The Structure of Behavior. – Boston: Beacon press, 1963. – 286 p.
112. *Miller J.* The body in question. – Random House Books, 2011.
113. Modernity and the Hegemony of Vision. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1993. – 422 p.
114. *Morris D.B.* The culture of pain. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1993. – 344 p.
115. New directions in colour studies. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – 474 p.

116. *Newell W.* Professionalizing interdisciplinarity: Literature review and research agenda // Interdisciplinarity: Essays from the literature. – N.Y.: The College Board, 1998. – P. 529–563.
117. *Nicholls S.* Pain and suffering: A semantic analysis of the English pain lexicon: BA Thesis. – Armidale: Univ. of New England, 2003. – 190 p.
118. *Noth W.* Handbook of semiotics. – Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 1995. – 576 p.
119. *Ohnuki-Tierney E.* Illness and healing among the Sakhalin Ainu. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1981. – 245 p.
120. Open your eyes: Deaf studies talking. – Minneapolis; L.: Univ. of Minnesota press, 2008. – 308 p.
121. Pain: A textbook for therapists. – L.; N.Y.: Churchill Livingstone, 2002. – 472 p.
122. *Pandya V.* Above the forest: A study of Andamanese ethnoanemology, cosmology and the power of ritual: PhD dissertation. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1987. – 356 p.
123. Perception and cognition in language and culture. – Leiden; Boston: BRILL, 2013. – 300 p.
124. Perception and its modalities. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – 512 p.
125. *Ponsonnet M.* Figurative and non-figurative use of body-part words in descriptions of emotions in Dalabon (Northern Australia) // International J. of Language and Culture. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. – N 1 (1). – P. 98–130.
126. *Rivlin R., Gravelle K.* Deciphering the senses: The expanding world of human perception. – N.Y.: Simon and Schuster, 1984. – 237 p.
127. *Rudy G.* Mystical language of sensation in the later Middle Ages. – N.Y.; L.: Routledge, 2002. – 188 p.
128. *Salter L., Hearn A.* Outside the lines: Issues in interdisciplinary research. – Quebec: McGill-Queen's univ. press, 1996. – 220 p.
129. *Scarry E.* The body in pain: The making and unmaking of the world. – N.Y.; Oxford: Oxford univ. press, 1985. – 385 p.
130. *Semino E.* Descriptions of pain, metaphor and embodied simulation // Metaphor and symbol. – 2010. – Num. 25 (4). – P. 205–226.
131. *Semino E.* Figurative language, creativity, and multimodality in the communication of chronic pain in two different genres // Figurative language, genre and register. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – P. 267–304.
132. *Serres M.* The five senses: A philosophy of mingled bodies. – L.; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2008. – 364 p.
133. *Sheets-Johnstone M.* Bodily resonance // Moving imagination. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. – P. 19–36.
134. *Sherrington Ch.S.* The integrative action of the nervous system. – Liverpool; N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1906. – 412 p.
135. *Smith M.M.* Sensing the past: Seeing, hearing, smelling, tasting and touching in History. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 2007. – 192 p.
136. *Sofaer B.* Pain: Principles, practice and patients. – Cheltenham: Nelson Thornes Ltd., 1998. – 130 p.

137. *Steinvall A.* Colors and emotions in English // Anthropology of color: Interdisciplinary multilevel modeling. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 347–362.
138. *Sterne J.* The audible past: Cultural origins of sound reproduction. – Durham; L.: Duke univ. press books, 2003. – 472 p.
139. *Stocking G.W.* Race, culture, and evolution: Essays in the History of Anthropology. – Chicago; L.: The univ. of Chicago press, 1968. – 380 p.
140. *Stoller P.* Sensuous scholarship. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania press, 1997. – 184 p.
141. *Sweetser E.* From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – 188 p.
142. *Synnott A.* The body social. – L.: Routledge, 1993. – 320 p.
143. *Talmy L.* Toward a cognitive semantics. – Cambridge; L.: The MIT press, 2000. – Vol. 2.: Typology and Process in Concept Structuring. – 569 p.
144. The body as interface: Dialogues between the discipline. – Berlin: Winter, 2007. – 338 p.
145. The book of touch. – N.Y.: Bloomsbury Academic, 2005. – 448 p.
146. *Throop C.J.* Suffering and sentiment: Exploring the vicissitudes of experience and pain in Yap. – Berkeley: Univ. of California press, 2010. – 354 p.
147. *Todes S.* Body and world. – Cambridge; L.: The MIT press, 2001. – 370 p.
148. *Tuan Y.-F.* The pleasures of touch // The book of touch. – N.Y.: Berg, 2005. – 448 p.
149. *Van Dantzig S.* Mind the body: Grounding conceptual knowledge in perception and action. – Rotterdam: Erasmus univ., 2009. – 156 p.
150. *Vannini Ph., Waskul D., Gottschalk S.* The senses in self, society, and culture. – N.Y.: Routledge, 2012. – 200 p.
151. *Vercelloni L.* The invention of taste: A cultural account of desire, delight, and disgust in fashion, food and art. – L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2016. – 224 p.
152. Vision verbs dominate in conversation across cultures, but the ranking of non-visual verbs varies / Roque L.S., Kendrick K.H., Norcliffe E., Brown P., Defina R., Dingemanse M., Dirksmeyer T., Enfield N.J., Floyd S., Hammond J., Rossi G., Tufvesson S., van Putten S., Majid A. // Cognitive Linguistics. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. – N 26. – P. 31–60.
153. Women and autobiography. – Wilmington: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. – 168 p.
154. *Woolgar C.M.* The senses in late Medieval England. – New Haven; L.: Yale univ. press, 2007. – 336 p.
155. *Yamada H.* Different games, different rules: Why Americans and Japanese misunderstand each other. – Oxford: Oxford univ. press, 1997. – 190 p.

А.В. НАГОРНАЯ

ЛИНГВОСЕНСОРИКА
КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев

Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 19/IV – 2017 г. Формат 60 x84/16

Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 5,5 Уч.-изд. л. 5,0

Тираж 300 экз. Заказ № 39

Институт научной информации по общественным наукам РАН,

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

Тел. / Факс: (925) 517-36-91

E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9

